

ЛЮДМИЛА ЛАПИНА

ЛЕГЕНДА МОНСЕГЮРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Людмила Лапина
Легенда Монсегюра.
Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726985

ISBN 9785449069801

Аннотация

Легенда замка Монсегюр – таинственный Святой Грааль. Наша современница Лилиана оказывается в Лангедоке XII века. Крестоносец Луис, властитель горного замка, дает ей клятву рыцарского служения.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Крестоносец	11
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Легенда Монсегюра Фантастический роман

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4490-6980-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ляля взглянула на часы в правом нижнем углу ноутбука и застонала – уже девять вечера, время идет так быстро, а написать надо еще так много. Она обещала Зое Алексеевне представить к сентябрю реферат по истории искусств. Лето перевалило свой экватор, начался август, и девушка рьяно взялась за дело – села к ноутбуку систематизировать собранный материал. Ляля осталась на даче под Выборгом одна – отпуск родителей кончился, и они уехали с Санкт-Петербург. Мама Ляли – врач, папа – военный, есть еще бабушка и бабушка, но у них своя квартира и дача. Девушка осталась на даче с котом Луисом, чтобы спокойно написать задание любимого преподавателя. Она училась в СПбГУКИ, мечтала стать искусствоведам и упорно добивалась поставленной цели.

Зоя Алексеевна прислала эсэмэску сегодня в середине дня – просила завтра приехать в Санкт-Петербург поговорить о теме будущего диплома. У Ляли были любимые периоды в истории. Особенно ей нравилась древнерусская домонгольская монументальная живопись, интересовало, что происходило в то время на Руси и в Западной Европе. Тогда на Западе была эпоха Высокого Средневековья. А у нас? Андрей Боголюбский ходил в третий крестовый поход. Золотые ворота его столицы, города Владимира, созданы при участии

французских мастеров, резчиков по камню. Ляля выбрала темой реферата особенности романской архитектуры и храмовой скульптуры.

Она сбросила свои наработки на флэшку, закрыла ноутбук и замерла в раздумье. Можно поехать в Питер завтра утром, но не факт, что она вовремя встанет. Лучше ехать сейчас и спокойно поспать дома. Если бы она не засиделась так поздно! Но когда хорошо работается, время бежит очень быстро.

Девушка решила ехать в Питер немедленно. Она зажала флэшку в ладони и взбежала в свою спальню, расположенную в мансарде дачи. Родители построили этот дом еще до рождения Ляли. Их спальня с печью, покрытой розовой известкой, располагалась на первом этаже. Все жилые комнаты и кухня были отделаны натуральным деревом. Когда Ляля смогла уверенно подниматься по лестнице в мансарду, родители устроили детскую там. С тех пор их дочь спала наверху, когда приезжала на дачу, но работать она предпочитала на кухне за обеденным столом. Он удобно расположен между холодильником и электроплитой перед окном, выходящим на юг.

Распахнув шкаф в спальне, Ляля сорвала с вешалки длинное белое шелковое платье – хоть и вечер, но жара и духота невыносимы. Север называется... Она переоделась, заколола светлые волосы, сунула ноги в простые кожаные сандалии и подскочила от звонка мобильного, раздавшегося снизу –

он остался у закрытого ноутбука. Жизнерадостный Моцарт звучал все громче. Не взглянув на себя в зеркало, девушка скатилась вниз и схватила вишневую «раскладушку»:

– Мама!

– Чем ты занята, детка?

– Сидела за компом.

– Ты здорова, сыта? – спрашивала мама.

– Ну конечно, – ответила Ляля. – Я за два дня не успела съесть все, что вы с папой мне оставили.

– Я приеду в пятницу днем, скоро увидимся.

– Мы увидимся скорее, чем ты думаешь, – быстро сказала девушка. – Я еду в Питер!

– Доченька, что случилось?

– Ничего, просто Зоя Алексеевна просила завтра подойти к ней, – ответила Ляля.

– И ты поедешь, на ночь глядя?

– Да, уже собралась.

– Придется тебе взять с собой кота, – сказала мама.

– Возьму, только бы успеть на электричку.

– Позвони, когда сядешь в вагон, я тебя встречу.

– Только не на вокзале!

– Я встречу тебя с автобуса.

– Договорились, пока, мама.

– Пока, милая, – сказала мама и отключилась. Ее дочь закрыла мобильник и вскрикнула от досады – сумочка с флэш-кой осталась наверху. Ляля опять взлетела в спальню, схва-

тила розовую сумочку и заглянула в нее – флэшка, деньги, документы на месте. Девушка бросила туда же мобильник, спустилась вниз, выключила свет и подошла к любимому месту отдыха кота. Он и сейчас спал на кровати родителей Ляли. Подхватив серого в полоску зверя, она через кухню пробежала к двери и сняла связку ключей с гвоздя, вбитого в косяк двадцать лет назад. Выйдя на крыльцо, девушка взглянула на небо – темноголубое, ясное, восточный горизонт окрашен тем особенно пронзительным зеленым светом, который Ляля с помощью различных теней пыталась придать своим глазам. Легкие белые облака плывут к заходящему солнцу. Девушку поразила их форма – казалось, по небу разбросаны силуэты белых сказочных скакунов. «Вот бы полететь на таком! Я бы сейчас же оказалась в Питере». Улыбнувшись своей фантазии, Ляля взяла кота под мышку. Держа его и сумочку одной рукой, она, тихо напевая: «Облака, белокрылые лошадки...», – захлопнула дверь. Ключ в замок вошел легко. Повернув его три раза, девушка бросила связку в сумочку, перекинула ее через плечо и обняла кота обеими руками. Теперь можно бежать на электричку! Ляля вприпрыжку спустилась с крыльца, но тут кот резко вывернулся из ее объятий.

– Луис, стой! – крикнула она, но своенравный зверь зашипел как гадюка и исчез под домом. Слезы подступили к глазам Ляли, она сердито зажмурилась, сморгнула и бросилась за котом. Серый полосатый зверь юркнул под дом и затаил-

ся – он не хотел уезжать с дачи. Хозяева всегда мучились – засунуть его в кошачью переноску было большой проблемой. Обычно мама ласково предлагала ему «Вискас», а папа и Ляля прятались неподалеку с полотенцем и переноской. Кот подходил к блюдцу с едой, тут его и ловили. Девушка всхлипнула – сейчас она одна на даче, до электрички осталось двадцать минут, а балованный кот, любимец семьи Лукиных, не хочет ехать в Питер. Что же делать? Ляля упала на колени перед домом, заглянула в темную щель и лстыиво позвала:

– Луис, Луисинька, иди сюда, мы едем домой!

Подлый кот услышал голос молодой хозяйки, вздрогнул и забился еще глубже под фундамент дачного дома. Она увидела только белые задние лапы своего пушистого сокровища. Смахнув злые слезы, девушка бросила сумочку, задрала подол длинного платья и полезла за своевольным зверем. В это мгновение она могла бы придушить своего любимца, если бы добралась до него, но бетонная опора фундамента жестко прервала ее путь в самом начале – резкий удар пришелся прямо в середину белого лба. Ляля упала ничком, и ослепляющие звезды беззвучно взорвались под ее сжавшимися веками. Воздух резко вышел из легких, зубы лязгнули, прикусили нежные губы, рот наполнился горячей соленой жижей. Бархатная душная темнота подступила к упавшей и обволокла ее качающимися тошнотворными волнами. Задохнувшаяся, слепая от боли девушка слабо застонала, и звездная

тьма утянула ее далеко. Пространство и время сместились мгновенно и резко.

Часть первая. Крестоносец

Огненные круги дрожат под сомкнутыми веками, от четкой железной дробь ноет грудь лежащей ничком девушки. Дробь негромкая, но врезается в мозг. Надо открыть глаза! Какие тяжелые веки, как не хочется шевелиться! Стон вырвался сквозь закусенные губы лежащей – руки и ноги не двигаются, встать нет сил. Дробь приблизилась и смолкла, миг тишины оглушил. Прыжок, шаги, звяканье металла и мужской голос, звонкий как рыцарский серебряный рог-кларин, раздался совсем близко:

– Миледи, вам дурно, вы ранены?

Она с трудом разлепила веки. Зеленые стебельки травы торчат прямо перед носом. Железные руки легли на плечи и помогли упавшей девушке принять сидячее положение. Голова ее кружилась от удара, но от красивого вида закружилась еще сильнее. Светлая солнечная поляна, мягкий ветерок несет запах разогретой солнцем сосновой смолы, а вот и сами сосны с длинными иголками, как у пиний. Да это же настоящие пинии! Девушка оглядывалась, ничего не понимая. Куда делась сосна, растущая у дачи? Отец посадил ее двадцать лет назад в год рождения дочери. Девочка и ее «зеленая сестренка» росли вместе. Но сейчас сосна исчезла, и взгляд двадцатилетней девушки обводит совершенно незнакомую поляну. Она не помнит такого места на Карель-

ском перешейке – полянка красива резкой южной красотой – сочная трава, яркие цветы, но нет на ней ни северных сосен, ни дачи под Выборгом. Вместо них – альпийский луг... Альпы? Горы?! Да, острые вершины, обрывы, синее небо, звонкие ручейки сбегают с ледника, блистающего под слепящим солнцем... Девушка недоуменно обвела глазами яркую, как из «ГЕО» картинку, зажмурилась и потрясла головой. Прошептав краткую молитву, она снова открыла глаза. Сияющий южный день продолжался. Девушка вздохнула и замерла. В двух шагах от нее, там, где должна расти у забора дачи обрезанная под пальму елка (мамина прихоть), стоит... рыцарь... в белом плаще с красным крестом. Девушка застонала, и мир второй раз померк для нее. Рыцарь быстро постелил свой плащ на мягкую траву и перенес потерявшую сознание даму на импровизированное ложе. Ей явно требовалась помощь. Благородный воин достал из-под кольчуги шелковый платок, намочил в ближайшем ручейке и положил на лоб таинственной красавицы. Там наливался синим цветом след от удара о камень. Несчастная девица шла по тропинке, оступилась и... Рыцарь ехал мимо, услышал звук падения, стон и поспешил на помощь. Незвестная красавица в глубоком обмороке лежала на белом плаще. Искушенные губы ее побледнели, струйка крови засохла на подбородке, под глазами залегли глубокие тени, шелковистая русая коса почти расплелась.

– Миледи, очнитесь, миледи, – позвал рыцарь. Девушка

застонала и открыла глаза, зеленые, как луговая трава, нежная рука с золотой цепочкой на запястье прикоснулась к холодному компрессу.

– Луис... – прозвучал полу-вдох, полу-стон.

– Вы узнали мой герб, миледи? Жан-Луис-Мишель де Арагон де ла Роз Бланш граф де Монсегюр к вашим услугам, прекрасная незнакомка, – рыцарь опустил на колено и склонил гордую голову.

Ледяная вода горного ручья охладила ушибленный лоб и привела в чувство потерявшую сознание девушку. Она приподнялась и села на плаще, отвернувшись от взгляда спасителя. Платок упал ей на колени. Она развернула его, вытерла лицо и рассеянно уронила в траву мокрый, запачканный кровью кусок шелка. Руки ее привычно потянулись погладить шелковистую шерсть кота, но вцепились в белый шелк платья. Разжимая судорожно стиснутые пальцы, девушка осознала, что родная дача и любимый кот исчезли бесследно. Куда же она попала? Какова новая реальность? Девушка собрала все душевные силы и посмотрела на горы и рыцаря, позаботившегося о ней. Увиденное ее не разочаровало – сказочно красивые снежные горы, зеленая поляна и принц древнего рода склонился к ее ногам. У него узкое загорелое лицо, благородный нос, твердый подбородок, прямой взгляд синих, как небо над Альпами, глаз... и длинные ресницы, и золотистые волосы, припорошенные дорожной пылью. Красив, как эльф из любимых ею романов

и фильмов фэнтези. А какие у него уши? Ляля тревожно посмотрела из-под ресниц и тихонько вздохнула, отвернувшись. Уши как уши, нормальные для мужчины, прилегают к голове. Не эльф, но крестоносец, воин, рыцарь, не отступит, не свернет, не предаст. Закален в сражениях, и душа его тверда и ясна, как испытанный стальной клинок.

– Благодарю вас, сэр, – прошептала девушка. – Где я оказалась?

– В Пиренеях, демуазель, во владениях короля Санчо Мудрого, – ответил крестоносец.

«Санчо Панса был только губернатором, а не королем, да и то недолго», – хотела сказать девушка, но передумала. Герой Сервантеса жил в семнадцатом веке, на закате рыцарства. Высший взлет рыцарской эпохи, крестовые походы, были в одиннадцатом-четырнадцатом веках. В каком же из них участвует доблестный крестоносец?

– Вы возвращаетесь из Святой земли, мессир? – спросила девушка, используя южно-французское обращение, как это было принято в Пиренеях, Гаскони, Наварре.

– Я сражался под знаменем короля Ричарда, – ответил рыцарь.

– Львиное Сердце! – ахнула девушка.

– Да, так в страхе называют сарацины доблестного английского короля!

– Были ли вы представлены его прекрасной супруге Беренгари Наваррской? – продолжала девушка, радуясь, что

вспомнила, чьей дочерью была королева Беренгария. Сцены из «Айвенго», прочитанного в детстве, и современных романов-фэнтези, всплывали в памяти.

– Да, я имел такую честь, – ответил рыцарь.

– Так ли прекрасна королева Беренгария, как прославляют ее трубадуры? – продолжала девушка.

– Королева прекрасна, демуазель, но не прекрасней вас! – пылко ответил крестоносец. Девушка резко приподнялась и опустилась на плащ, гордо вскинув голову, глаза ее стали холодными, искусанные губы превратились в прямую линию. «На каком языке мы говорим? – пронзила ее отчаянная мысль. «Это же южнофранцузский, окситанский, провансальский! Я его только изучаю, как я могу свободно говорить на нем?»

– Вы, наверное, хотите пить, демуазель, – сказал крестоносец. – Позвольте предложить вам воды.

Девушка опустила ресницы, слишком взволнованная, чтобы ответить. «Двенадцатый век! Как я тут оказалась? Что делать? Что происходит?» – она сжала виски руками, не позволяя себе сползти в водоворот безумия.

Рыцарь Луис легко поднялся, подошел к коню, порылся в седельных сумках, достал серебряный кубок, зачерпнул воды из ледяного ручья и с поклоном поднес девушке.

– Лучшая вода Пиренеев, демуазель.

– Все гасконцы – поэты, – улыбнулась она, приняла кубок, украшенный сапфирами, и сделала глоток.

– Я родился в Тулузе, демуазель, – поклонился рыцарь.

«Тулуз-Лотрек – потомок графов Тулузских», – вспомнила она.

– Не родственник ли вы графа Тулузского Раймонда? – поддержала разговор девушка, увлеченная альбигойцами.

– Граф Раймонд Пятый – мой двоюродный дед по материнской линии, – ответил сэр Луис и почтительно осведомился: – Могу ли я узнать ваше имя, прекрасная незнакомка?

– Лилиана, – пролепетала она, мысленно добавила: «А мама зовет Лялечкой», – и смахнула невольную слезу.

– Могу ли я сопровождать вас? – продолжал сэр Луис. – Позвольте мне служить вам, леди Лилиана.

– Я ... – начала Ляля и прикрыла рот рукой, заглушая истерический смех: «Я направляюсь в Санкт-Петербург, а его еще нет на карте Европы. Совсем недавно князь Игорь сходил на половцев. Кто же написал „Слово“ об его полку?»

– Леди Лилиана, позвольте мне проводить вас в безопасное место, ко двору моего родственника в Тулузе, – продолжал гасконец.

Его глаза смотрели прямо, волосы, падавшие на широкие плечи, казались почти белыми под солнцем юга.

– Я охотно приму вашу помощь, любезный сэр, – ответила Ляля, тихо удивляясь возвышенным оборотам своей речи. – Но простите мое любопытство – я всегда считала, что гасконцы – смуглые черноволосые люди!

– Мои предки – норманны, – сообщил сэр Луис так, как будто это все объясняло.

В одиннадцатом веке потомки викингов взяли Европу в клещи. Вильгельм завоевал Англию, Раймон – Сицилию – послушно вспомнила исторические сведения Ляля. К этому времени относится Христос-Вседержитель – мозаика в соборе Палермо, столице Сицилии, заказанная победоносным потомком норманов византийским мастерам. Преподаватели Санкт-Петербургского университета культуры могли гордиться своей начитанной студенткой.

– Да, это все объясняет, – кивнула Ляля. – А где ваши слуги и оруженосцы?

– Погибли за морем, в Святой Земле, – помолчав, ответил рыцарь. – Я сменил четырех боевых коней. Вот этого красавца я отбил у сарацин.

Ляля проследила за жестом сильной руки в железном наручье и увидела прекрасного, сильного, белоснежного коня.

– Он похож на единорога, – восхищенно выдохнула девушка.

– Соизвольте, демуазель, занять место в его седле, – продолжал сэр Луис.

– А как же вы, мессир? – пролепетала Ляля, не зная как вежливо отказаться.

– Я пойду пешком, – ответил рыцарь и предложил девушке руку, помогая встать. Она секунду размышляла. Но что ей оставалось делать? Нежные пальцы легко коснулись горячей

мозолистой ладони крестоносца. «Это от меча у него такие мозоли, – внезапно поняла Ляля и усмехнулась: – Рыцарь с мозолями, как странно!»

Сэр Луис подвел коня и преклонил колено:

– Прошу вас, демуазель, садитесь в седло.

Ляля собрала всю свою волю, приподняла подол платья, встала на подставленное колено в железном наколеннике и, держась за руку рыцаря, осторожно опустилась в седло. Она села боком, вспоминая, были ли в двенадцатом веке дамские седла. Конь, казалось, не заметил смены всадника. Сэр Луис твердой рукой взял под уздцы боевого товарища и пошел вниз по едва заметной горной тропке. Скалы, каменистые осыпи, горное разнотравье поплыли мимо Ляли. Тишину нарушали только щебет горных птиц и металлическое звяканье по камням – подковы коня стальные, а сапоги рыцаря окованы полосками железа и снабжены золотыми шпорами. Они задевали камни и кусты с характерным звоном, но сэр Луис двигался по ненадежной тропинке с уверенностью человека, выросшего в горах. Ляля вцепилась в лук седла обеими руками и затравленно оглядывалась по сторонам, но величественная красота гор действовала на нее успокаивающе. Когда девушка отводила взгляд от сверкающих снегом вершин, то видела рядом со своей левой рукой привешенный к седлу длинный щит, а рядом с правой – норманский шлем с кольчужной сеткой, закрывающей шею и плечи. На красном щите рыцаря вставал на дыбы разъяренный пар-

дус. А как можно еще назвать зверя, одновременно похожего на гепарда, леопарда и пантеру?

– Мессир, – тихо позвала Ляля. Он обернулся мгновенно – закаленный опытный воин, воевавший с сарацинами, побеждавший в десятках мелких стычек и длительных сражениях.

– К вашим услугам, прекрасная донна, – проговорил он, а его орлиный взор скользнул по окрестностям, ища опасность. Ляля нервно хихикнула и спросила:

– А где ваше копье, доблестный сэр?

Румянец проступил сквозь темный загар рыцаря:

– Я оставил его в Акре, когда садился на корабль, идущий в Венецию. Надо было погрузить как можно больше воинов. Пришлось выбирать между оружием и боевыми товарищами.

– Как зовут вашего коня? – спросила Ляля, нежно прикасаясь к гриве великолепного животного.

– Я назвал его Глером, – ответил сэр Луис.

– Какое красивое имя, а что оно означает?

– Блестящий – на языке моих скандинавских предков, – ответил рыцарь и продолжал: – Но вы сгорите под беспощадным солнцем нашего юга.

– Я ... – пролепетала девушка и хотела добавить: «Уже загорала ...», но, видимо, северный загар на даче под Выборгом не может сравниться с горячим солнцем Пиренеев!

– Позвольте, demuазель, предложить вам накинуть мой

плащ.

Ляля уже ощутила жгучие прикосновения южного светила и не нашла слов для отказа. Сэр Луис почтительно укутал плащом таинственную красавицу, взял Глера под уздцы и продолжил путь. Потрепанный рыцарский плащ пах горными травами, железом и немножко потом (конским и благородным), и Ляля почувствовала себя надежно защищенной от превратностей средневековой жизни. «Я могла бы наткнуться на шайку разбойников. Здесь, в горах, должно быть, промышляют и контрабандисты, – думала она. – Но как же предупредить маму, что я задерживаюсь? Она будет встречать нас с Луисом на вокзале, а у меня нет с собой мобильного!» Нервный смех опять разобрал девушку, и она закрыла рот краем рыцарского плаща. «Полезла за котом, а нашла графа. Вот подружки позавидуют, когда покажу фотки!» Рука ее потянулась к маленькому вишневому аппарату, но остановилась. Привычное ей время и жизненное пространство сменились внезапно. Мобильник с фотокамерой остался в двадцать первом веке – Ляля бросила сумочку на траву, когда полезла под дом за сбежавшим котом. Девушка замерла и уставилась в пространство. Красоты Пиренеев больше не занимали ее. Как она оказалась в двенадцатом веке, оторванная от всего, что знает и любит? Как вернуться домой? Последние минуты в двадцать первом веке развернулись перед ее мысленным взором...

Теплое пушистое тело вывернулось из девичьих рук. Се-

рый полосатый кот юркнул под дом и затаился, не желая уезжать с дачи. Девушка всхлипнула – до электрички на Питер остается двадцать минут, а балованный кот Луис, любимец семьи Лукиных, не изволит ехать в культурную столицу России. Девушка упала на колени, заглянула под дом и лстыиво позвала:

– Луис, Луисинька, иди сюда, мы едем домой!

Но подлый кот, услышав голос молодой хозяйки, вздрогнул и забился еще дальше под фундамент дачного дома. Она увидела только белые пушистые лапы своего сокровища. Смахнув злые слезы, Ляля отложила сумочку в сторону, подобрала подол модного длинного шелкового платья и устремилась за непослушным питомцем. Бетонная балка фундамента жестко прервала ее путь – резкий удар пришелся прямо в лоб. Девушка упала ничком, и ослепляющие звезды взорвались под ее сжатыми от боли веками. Зубы лязгнули, прикусывая нежные губы, воздух исчез из груди, рот наполнился горячим и соленым. Душная бархатная темнота быстро подступила к упавшей и обволокла ее качающимися тошнотворными волнами. Задохнувшаяся, слепая от боли Ляля слабо застонала, и звездная тьма утянула ее далеко во времени и пространстве...

Ляля очнулась, сидя на жесткой табуретке, которая почему-то колыхалась. «Кто везет меня в больницу, и почему на велосипеде, а не в машине „Скорой помощи“?» Девушка моргнула, сфокусировала взгляд и чуть не вскрикнула от до-

сады – в поле ее зрения показались высокие снежные горы и рыцарь-спаситель! А сама она сидит не на велосипеде или мотоцикле, а в седле рыцарского коня, следующего за хозяином. И имя его всплыло в ушибленной голове девушки – знакомое имя питомца семьи Лукиных. Ляля опять затряслась от еле сдерживаемого нервного смеха, страшась обидеть своего спасителя. Сэр Луис легко шел по обрывистой горной тропе, не замечая ироничного взгляда спасенной красавицы и тяжести кольчуги, обливавшей его широкие плечи. Крохотные радужные искорки сверкали на завитках золотистых волос рыцаря и вязи кольчужных колечек. Ляля вспомнила из военной истории Средневековья, что рыцари бегали и сражались в железных кольчугах по несколько часов.

Битва при Гастингсе 1066 года, где сошлись войска англосаксов и потомков скандинавов норманов, продолжалась с раннего утра до позднего вечера. Воины весь день бились в кольчугах. Рыцари – профессиональные воины, с детства готовились к ратной службе, вырастали крепкими и закаленными. «Пожалуй, сэр Луис в многоборье победил бы всех наших спортсменов!» – подумала Ляля, гадая при этом, как все-таки попала в двенадцатый век. «Неужели я так сильно ударилась головой о фундамент дома, что лежу сейчас в больнице, а южно-французский рыцарь мне чудится только потому, что я недавно читала книгу „Песни трубадуров“?» Ее устойчивая психика и сознание студентки-отличницы противились очевидному. «Перемещения во времени,

пространственные коридоры?! Не смешите меня! А где у нас тогда будут зеленые человечки?»

Ляля огляделась и растерянно улыбнулась – яркое солнце, медовые запахи трав, пестрые горные цветы выглядят настолько реальными, что не хочется думать ни о чем плохом в этом радостном сияющем мире. Кружевная тень сосен упала на траву, большая пестрая бабочка порхнула с цветка на цветок. Сэр Луис остановил коня.

– Соблаговолите, демуазель, разделить мой скромный обед, – предложил рыцарь с поклоном. Ляля успела проголодаться на свежем горном воздухе. Ее мама готовит очень хорошо, но как к ней попасть? Девушка вздохнула, встала на предложенное рыцарем колено и, опираясь на его руку, ступила на землю. Сэр Луис быстро обустроил привал – расседлал коня, предложил даме присесть на седло, распаковал сумки, расстелил на траве салфетку, нарезал хлеб и ветчину, наполнил кубок ключевой водой и прочел молитву.

– Позвольте угостить вас, леди Лилиана, – предложил он.

– Я бы хотела умыться, – робко сказала девушка.

– Сожалею, миледи, кроме кубка у меня нет посуды, – произнес рыцарь.

– Не беспокойтесь, добрый сэр, я умоюсь в ручье, – ответила Ляля, встала и подошла к небольшому ручью. Крошечные солнечные зайчики скакали по поверхности воды, камешки на дне ручейка сверкали. Глубина его небольшая, и девушка узнала знакомые породы, из которых сложены все

на свете горы – гранит, мрамор, известняк, кремний. Освежившись, Ляля вернулась на свое место и быстро сделала бутерброды, как делала их сотни раз на пикниках и на даче. Конечно, в двенадцатом веке не было ни майонеза, ни кетчупа.

– Отведайте, милорд, – предложила девушка и протянула ему незамысловатое угощение. Рыцарь благоговейно принял кусок хлеба, а Ляля запоздало вспомнила, что в двенадцатом веке именно рыцарь ухаживал во время еды за дамой – нарезал ей мясо, подносил на кончике ножа, ведь вилок тогда еще не было.

– Любое угощение из ваших рук, леди Лилиана, покажется мне слаще манны небесной, – торжественно сказал рыцарь и принялся за еду.

– Мессир, из Венеции вы двинулись на родину сухопутным путем? – осведомилась Ляля, когда их нехитрая трапеза подошла к концу.

– Да, миледи.

– А почему вы не дождались корабля, чтобы добраться хотя бы до Марселя? – продолжала расспрашивать девушка. Рыцарь слегка покраснел и ответил:

– Предпочитаю путешествовать по горам!

«Наверное, у него недостаточно денег, чтобы ехать на корабле», – подумала Ляля и тоже покраснела. Одежда и оружие рыцаря добротны, но не роскошны. Кубок серебряный, не золотой, а кошелёк привешен к поясу и не дело прекрас-

ной дамы пересчитывать его содержимое.

– Продолжим наше путешествие, демуазель? – спросил рыцарь.

– Да, поедем, мессир, – ответила Ляля.

Короткие сборы, и дама с рыцарем отправились дальше.

Путешествовали они до вечера. В горах темнеет быстро. Небо на западе пылало, а на востоке появились первые звезды. Сэр Луис остановил коня. Тяжелая дорога на сегодня подошла к концу. Рыцарь помог Ляле спуститься на землю. Девушка устала и валилась с ног, как будто это она весь день шла под седлом. Рыцарь, казалось, был сделан из железа и не проявлял никаких признаков усталости. Он быстро устроил стоянку, сгреб в кучу сосновые иголки, листья папоротника, и предложил девушке это импровизированное ложе. Она присела, закуталась в плащ и провалилась в мягкую черноту крепкого сна.

Хорошо спится на свежем воздухе! Ляля проснулась лишь на рассвете. Свернувшись в комочек, она натянула на себя плащ и пробормотала по-русски:

– Мама, дай мне еще одеяло, у меня нос замерз. Я еще посплю, я вижу красивый сон.

Устраиваясь поудобнее в надежде согреться, Ляля завозила, сухие листья под ней зашуршали, и девушка поняла, что она не дома в уютной постели, а... Она испуганно села на спартанском ложе. Рыцарь обернулся на шорох. Он творил утреннюю молитву, опустившись на колени перед ме-

чом, воткнутым в землю. Лезвие и гарда образовали христианский крест.

– Доброе утро, мессир, – дрожащим голосом произнесла девушка. Итак, это не яркий романтический сон, а парадоксальная правда жизни. Рыцарь никуда не делся!

– Доброе утро, демазель, – церемонно ответил он с легким поклоном.

Ляля решительно встала и скинула рыцарский плащ, ежась от утреннего холода.

– Я умоюсь, мессир, – сказала она и пошла с поляны, выбирая заросли погуще. Пройдя мимо импровизированного креста, девушка благочестиво склонила голову и перекрестилась. Птички щебетали, восток розовел, готовясь к восходу солнца, и настроение Ляли немного улучшилось. Казалось, что в этом пробуждающемся мире все будет хорошо, и она обязательно найдет способ вернуться домой. Поплескавшись в обжигающе холодном ручейке, девушка вернулась на поляну к сэру Луису. Она разругалась от ледяной воды, прозрачные капли дрожали на русых волосах, зеленые глаза сияли. Рыцарь не смог отвести взгляд от ее прелестного лица.

– Как я проголодалась, мессир! – воскликнула она с улыбкой.

– Позвольте предложить вам остатки нашей вчерашней трапезы, – сказал сэр Луис. – А к обеду я поохочусь.

Ляля вздрогнула и выпалила:

– Ненавижу охоту!

– Охота – благородное развлечение, – заметил молодой человек. – Одно из рыцарских искусств. Разве ваш почтенный отец и отважные братья не развлекаются охотой на медведя, кабана, оленя?

– Я – единственный ребенок моих родителей, – тихо ответила девушка.

– Простите, демуазель, – с поклоном ответил рыцарь. – Но ваши благородные родители должны быть счастливы, вырастив такую прекрасную дочь.

Помолившись, нечаянные спутники доели остатки хлеба и ветчины. Вскоре маленький отряд снова двинулся в путь. Конь шагал плавно, явно хорошо выезженный, настоящий рыцарский конь. Девушка держалась за луку седла уже одной рукой, доверившись рыцарской выучке коня и его хозяина, и восхищенно знакомилась с миром, куда нечаянно попала. Синее небо без единой тучки висело над Пиренеями. «Горы целуют небо», – вспомнила Ляля строчку из Шелли. Выходило солнце, пели птицы. Прекрасные горные луга радовали глаз ярко-зеленой травой и пестрыми цветами. Бабочки как ожившие лепестки кружили в душистом воздухе. Ляля радостно улыбнулась – ей нравился мир, куда она попала. Часа через два сэр Луис обернулся к девушке и произнес:

– Не хотите ли немного отдохнуть, прекрасная донна?

– Да, конечно, мессир, – ответила она, и рыцарь помог ей сойти на землю. Луг был настолько хорош и зелен, что Ля-

ля скинула простые кожаные сандалии и босиком прошлась по мягкой травке. Рыцарь ослабил подпругу седла, взял серебряный кубок, сходил к ручью и предложил девушке воды.

– Какая вкусная вода! – воскликнула она, отпив глоток.

– В Испании самым почетным гостям предлагают выпить чистой родниковой воды в знак нерушимой дружбы, – произнес сэр Луис.

– Благодарю вас, мессир, за заботу обо мне, – серьезно ответила Ляля.

– Я провожу вас в Тулузу и помогу добраться до владений ваших благородных родителей. Порукой в этом да будет мое рыцарское слово, – торжественно сказал сэр Луис, опускаясь на одно колено перед девушкой, и поднял руку, призывая Бога в свидетели своей нерушимой клятвы.

– Благодарю вас, сэр, но найти моих родителей очень не просто, – печально сказала Ляля. – Они невообразимо далеко отсюда.

– Я провожу вас, прекрасная донна, ничего не бойтесь, – твердо сказал сэр Луис. Девушка склонила голову. Лучшего спутника ей и желать нельзя. Он сможет проводить ее в любую точку своего мира, но как ему сказать, что она-то не принадлежит этому его миру! Поверит он или не поверит? Может быть, отречется от нее с проклятиями и сдаст инквизиции как ведьму? Ляля задумалась, вспоминая, когда в Западной Европе появилась инквизиция. Сейчас для нее эти сведения обрели жизненную важность. Ляля Лукина была

прилежной студенткой и вспомнила – римский папа Иннокентий Третий начал борьбу с ересями: вальденсами, катарами, альбигойцами. Год, надо четко вспомнить год крестового похода против альбигойцев. Девушка закрыла лицо руками и опустила на траву. Мысли ее мешались, важная дата ускользала. Как ей хотелось домой к маме! Рыцарь опустился перед ней на колени и произнес:

– Вы не хотите рассказать мне свою печальную историю, демуазель? Я расскажу за вас – вас похитили из родительского замка, но вы бежали от похитителя.

Ляля опустила руки и изумленно воззрилась на своего спутника:

– Почему вы так думаете, любезный сэр?

– Вы бежали по горам, не разбирая дороги, в нижней одежде, не облачившись в жип, не надев котту... – уверенно сказал рыцарь.

Ляля оглядела свое белое шелковое в ярких цветах платье и невольно покраснела: «Как хорошо, что я послушала маму и купила платье с простым вырезом, а не на тоненьких ляпочках, как хотела сначала!»

– Да, мне пришлось спастись бегством, – пролепетала она.

– Но похититель не требовал выкупа с ваших почтенных родителей, – говорил рыцарь. Девушка изумленно смотрела на него широко раскрытыми глазами, и он продолжал: – Он оставил вам золотые украшения.

Ляля судорожно начала вспоминать, что из украшений надела перед поездкой в Санкт-Петербург. Серьги привычно оттягивают уши, кольцо с розовым камнем весело блестит на пальце, цепочка как прикосновение матери обвивает запястье, и крестильный крест, теплый, нагретый, висит на привычном месте.

– За меня не требовали выкуп, вы правы, любезный сэр, – пролепетала девушка. Рыцарь взглянул на нее и сурово сказал:

– Значит, я прав, вас похитили из родного замка, чтобы продать в рабство на Восток.

Ляля похолодела. Попасть в гарем! Восточная роскошь, шербет, танцы живота, изощренные интриги и утонченный разврат. Ее щеки запылали.

– Мои предки викинги занимались такими делами, похищали знатных красавиц и продавали на Восток, – печально сказал сэр

Луис. – Но не бойтесь, прекрасная госпожа, я рыцарь креста!

– Благодарю вас, сэр, ваша дружеская помощь много значит для меня, – сказала Ляля.

– Я сделаю все, чтобы вы скорее попали домой, и в первом же городе куплю вам одежду, – произнес рыцарь, и девушка поверила, что все будет хорошо. Подумаешь, очутилась в двенадцатом веке! Как очутилась, так и вернется в свой двадцать первый! С таким защитником нет ничего

невозможного.

– Поехали дальше, мессир, – сказала Ляля. – Но вы все так же будете идти пешком?

– Я вырос в горах, – усмехнулся рыцарь. – Если я сяду в седло, вам, прекрасная госпожа, придется ехать на крупе моего коня.

– Как Тристану и Изольде! – вскричала Ляля.

– Вы знакомы с произведением Кретьена де Труа? – удивился сэр Луис. – Благородная сестра нашего короля графиня Мария Шампанская повелела канонику из Труа записать эту историю.

– Так вы, сэр, подданный английского короля Ричарда Львиное Сердце?

– Да, демуазель, я сражался под его знаменами, – ответил рыцарь.

Увлечение прекрасной эпохой Высокого Средневековья пошло Ляле на пользу – есть о чем поговорить с попутчиком. Уступая ее уговорам, сэр Луис сел в седло и протянул руку даме. На атласном крупе боевого коня сидеть не так удобно, как в седле, но Ляля одной рукой вцепилась в луку седла, а второй осторожно взялась за позолоченный ремень отважного спутника – видимый знак его посвящения в рыцари. Он слегка пощекотал шпорами бока боевого друга, и умный конь пошел рысью. Сэр Луис обернулся и посмотрел на спутницу. Она улыбнулась ему, не отводя глаза. Выглядела она здоровой, и рыцарь послал коня в галоп. Ляля вскрикнула

от неожиданности и крепче ухватила за пояс рыцаря. Ветер свистел в ее ушах, коса неслась следом, но быстрая езда всегда нравилась русской девушке. Так скорее они доберутся до цели. А если спрятаться за спиной рыцаря, ветер не беспокоит! Ляля склонила голову и прижалась к окольчуженной спине сэра Луиса. Надежный, преданный, сильный, настоящий рыцарь, относится к ней с уважением, как к прекрасной даме, пострадавшей от коварного похитителя. Девушке повезло встретить в суровом средневековом мире отважного великодушного спутника. Она интуитивно почувствовала, что ему присущи высокие рыцарские качества, и доверилась его слову чести. Пока он не оскорбил ее ни словом, ни взглядом, ни жестом.

В двадцать первом веке стало забываться рыцарское отношение к женщине, и Ляле было почти смешно бережное отношение к ней сэра Луиса. А что бы она могла сделать, если бы он пожелал ее и предпринял решительные действия? Ничего! Тело рыцаря, казалось, состоит из тугих стальных мускулов. Воин, воевавший в Святой Земле! Но христианская вера смирила темные, бурные плотские инстинкты. Вера в Бога, преданность прекрасной даме и сеньору составили основу личности крестоносца.

Ехать верхом быстрее, чем идти пешком, и часа через два рыцарь со своей спутницей проехали больше, чем прошли за весь предыдущий день. Рыцарь остановил коня в тенистой роще. Маленький родник журчит у корней высокой сос-

ны. Живительный сосновый аромат плывет в горном воздухе. Рыцарь помог Ляле спуститься на землю. Зеленый луг с высокой травой тянется вниз по склону горы. Внизу шумит ручей. Ляля вышла на луг, любуясь красивым видом. Острые горные вершины остались за ее спиной. Солнце припекало, и девушка скинула плащ. От быстрой скачки и свежего воздуха очень хотелось пить и есть. Девушка осторожно пошла вниз, к ручью, смотрела под ноги и узнала характерные изрезанные листочки. Земляника! Ягоды крупные, спелые, ароматные. Ляля опустилась на колени и попробовала несколько ягод. Вкусные, сладкие!

– Мессир, – позвала Ляля, не вставая с колен. – Нет ли в ваших походных вещах тарелки?

– Только оловянная, – ответил рыцарь. – Устроит ли эта скромная посуда прекрасную даму?

– О да, – ответила девушка. – Я наберу ягод, и мы перекусим.

Сэр Луис принес Ляле тарелку, расстелил плащ на мягкой траве, спустился к ручью, и вскоре молодые люди угощались свежими ягодами, запивая их ключевой водой из серебряного кубка. Ляля вспомнила, что даже богатые вельможи Высокого Средневековья трапезничали именно так: делили на двоих кубок и блюдо. Девушка понадеялась на антисептические свойства серебра. Рыцарь считает ее знатной дамой, и она не разочарует его, черпая воду сложенной ковшиком ладонью. Но надо же о чем-то говорить, общаться со своим

спутником.

– Мессир, в Венеции вы были в соборе Святого Марка? – поинтересовалась Ляля.

– Был, миледи, собор великолепен, похож на византийские и мавританские постройки, – ответил рыцарь.

– А кони стоят перед ним? – спросила девушка и испуганно замолчала – бронзовые кони на площади Святого Марка появились после четвертого крестового похода. Их вывез дож Дандоло из разграбленного крестоносцами Константинополя в Венецию как символ победы над восточной православной империей. Это случится лет через десять... «1204 год, крестовый поход на Византию», – четко вспомнила Ляля. А первый поход против альбигойцев состоялся еще позже, вероятно, в 1209 году. Значит, до учреждения инквизиции остается еще минимум десять лет. Девушка тихо вздохнула, глаза ее засияли – сожжение как ведьме ей пока не грозит!

– В Венеции коней очень мало, – рассказывал сэр Луис, радуясь любознательности спутницы. – Венецианцы пользуются лодками. Они называются гондолы.

– А вы катались на гондоле? – спросила Ляля.

– Да, – ответил рыцарь. – Но мне больше нравится плыть на корабле по открытому морю.

– А где вы еще были, мессир? – продолжала расспрашивать девушка.

Рыцарь усмехнулся.

– Я был в Иерусалиме и на Синае...

– И вы были в монастыре Святой Екатерины? – восторженно вскричала она.

– Да, я видел Неопалимую купину, – продолжал сэр Лусис. – И я понял, что вы не католичка, прекрасная госпожа.

Ляля покраснела.

– Почему вы так решили?

– Ваш крест кафедральный, я видел такой на Синае, – просто сказал рыцарь.

«Синай – владение Византии, то есть Ромейской православной империи», – с благодарностью вспомнила Ляля лекции по истории искусства и тихо сказала:

– Да, я православная и родилась на реке Неве.

– Нева... Где находится эта река? – переспросил рыцарь.

– Нева вытекает из озера Ладога и впадает в Балтийское море, – пояснила девушка.

– Река Нюйя, город Альдейгьюборг! – воскликнул рыцарь. – В нашем роду живет предание о предке, торговавшем в Альдейгьюборге. Так вы из этого города, миледи?

– В общем, да, – смущенно ответила Ляля, и образы родного города заслонили горный луг – золотой купол Исаакия, звон курантов Петропавловки, дворцы Эрмитажа, Летний сад... Как хочется вернуться туда! Ляля застонала и вонзила ногти в ладони. Белые ночи, разводные мосты... Как красив любимый город с воды!

– Ваш отец знаменитый воин? – продолжал расспраши-

вать рыцарь.

«Полковник» – усмехнулась Ляля и сказала вслух:

– Он водил полки!

– Как называется ваша земля, леди Лилиана?

«Россия», – хотела произнести девушка, но вовремя спохватилась и ответила:

– Русь! А столица – Владимир!

– Гардарики, – перевел на более понятный потомку викингов язык сэр Луис и пояснил: – Мои предки воевали и торговали в Гардарики.

«И сколько же их курганов высится по берегам нашего Волхова?» – ехидно подумала Ляля, но смолчала, чтобы не обижать своего единственного в двенадцатом веке спутника.

– Мессир, не пора ли нам ехать дальше? – спросила девушка. – Надеюсь, ваш конь уже отдохнул?

– Поехали, прекрасная госпожа, – ответил сэр Луис и помог даме устроиться на крупе коня. Горная тропинка крутая, обрывистая, вывела их к реке. Смеркалось, бурный поток ревел и прыгал по острым камням. Ляля видела горные реки в Крыму и на Кавказе, поэтому представляла, какой страшной может быть переправа через такую реку. Рыцарь остановил коня, спустил на землю Лялю и прыгнул сам.

– Заночуем на этом берегу, – сказал он.

Ляля растерянно оглядывалась по сторонам. Темнело, клекотала река, но рыцарь готовился к ночевке с многолет-

ней сноровкой – расседлал коня, нашел пещерку, перенес туда седло, попону, сумки.

– Присаживайтесь, леди Лилиана, – позвал он и подал руку девушке, поддерживая ее в наступившей темноте. Ляля чувствовала себя совершенно беспомощной на берегу бурной реки. Конечно, она ходила в туристические походы, любила вылазки на природу. Но где сейчас спальные мешки, фонарики, термос, одноразовая посуда и прочие блага цивилизации? Река бурлила, холод пробирал до костей. Рыцарь принес охапку хвороста и развел костер. Обыденное действие, совершаемое несчетное количество раз с тех пор, как первый человек интуитивно высек искру, переросло в символ – огонь как живая мысль, яркое пламя духовного горения, рассеивающее изначальную тьму. Огонь Прометея связывает и освещает века и тысячелетия. Получив огонь, человечество не могло остаться прежним. Наука, искусство, религия изменили жизнь множества людей и дали начало цивилизации.

– Я пойду на охоту, леди Лилиана, подождите меня, вернусь скоро, – произнес рыцарь, устроив спутницу в пещере с максималь-

но возможным комфортом – то есть предложил присесть на седло у разведенного огня и закутал в свой плащ, сложенный вдвое.

«Какая охота! – мысленно вскрикнула Ляля. – Мелкие зверушки уже спят, а крупные охотятся сами!»

Рыцарь снял меч, придвинул его ближе к девушке, с одним кинжалом на поясе шагнул за освещенный костром круг и пропал в темноте. Ляля задрожала сильнее. Она осталась одна, в горах, на берегу бурной реки. Только маленький костерок отделял ее от наступившей тьмы. Вот сейчас он потухнет, а сэр Луис не вернется со страшной ночной охоты... Дрожащая Ляля плотнее завернулась в рыцарский плащ. К утру, она погибнет от холода и голода в незнакомом пространстве и времени. Ее родители никогда не узнают, что стало с их дочерью! Девушка тихо заплакала, изливая в слезах боль и тревогу. «Почему это случилось именно со мной? Чудес не бывает! Хочу домой!» – ни одной здоровой мысли не пришло ей в голову, но слезы иссякли. Ляля устыдилась своего малодушия. Вытерев слезы, она помолилась и задумалась. Если она как-то сюда попала, то должен быть способ вернуться обратно в двадцать первый век. А если она доберется до того места, где в будущем будет их дача, и стукнется головой, то, может быть... Ляля нервно хихикнула и потерла ноющий лоб. Более здоровые мысли ее не посетили. Но и это шанс. А сэр Луис обещал проводить ее домой! Как ни мала и призрачна, казалась эта надежда, девушка немного повеселела. Уныние – тяжкий грех. Она здорова, молода, красива, так неужели же не сможет найти выход из этой невероятной ситуации? Все, что она любит – дом, учеба, родители – осталось в двадцать первом веке, а она случайно оказалась в двенадцатом! Как хочется домой! И она вернется!

Конь стукнул копытом и тихо, ласково заржал. Рыцарь возник из темноты, бесшумный и стремительный. Так он, наверное, обрушивался на сарацин в своем ближневосточном квесте.

– Вы вернулись, любезный сэр! – радостно вскричала Ляля. Она не осталась одна в этом пугающем мире Высокого Средневековья.

– Я обещал вернуться, леди Лилиана, – ответил рыцарь и опустил на землю свою ношу.

– Как поохотились? – спросила девушка и замерла в изумлении – ее отважный спутник постелил салфетку на землю между ними и вынул из простой холщовой сумки три горшка.

– Я набрел на пастухов, здесь прекрасные пастбища, и добрые люди уступили мне свой ужин, – с этими словами сэр Луис приподнял крышку одного горшка. Аппетитный аромат жареного мяса поплыл по пещере, и рот Ляли наполнился слюной. Она вскочила, подбежала к седельным сумкам, достала оловянную тарелку и серебряную ложку. Рыцарь вынул из холщового мешка простую глиняную тарелку и деревянную ложку.

– А что в этих кувшинах? – спросила Ляля.

– Молоко и вино, – ответил рыцарь. Опустившись на колени, он начал молитву, девушка присоединилась к нему.

Жаркое из ягненка было превосходно, но кончилось слишком быстро.

– Попробуйте этот изумительный овечий сэр, – предложил рыцарь.

– Он совсем свежий, на нем еще остались шерстинки.

Ляля почувствовала, что ее аппетит на сегодня удовлетворен.

– Благодарю вас, сэр, – ответила она.

– Давайте оставим его на завтрак.

– Тогда разрешите предложить вам немного молока или вина, – продолжал потомок викингов.

– Я выпью воды, если вы не против, – решительно сказала девушка.

Рыцарь гибким движением поднялся на ноги, взял серебряный кубок и вышел. «А если бы я попросила его прыгнуть в огонь, он бы так же охотно выполнил мое желание?» – подумала Ляля и размечталась, как хорошо показаться с таким кавалером на студенческой вечеринке. Любимые подружки с ума сойдут от зависти!

– Ваша вода, миледи!

– Благодарю вас, сэр, – сладким голосом сказала Ляля. Вода была ледяная, девушка пила ее мелкими глотками, глаза ее слипались.

– Ложитесь спать, леди Лилиана, – предложил рыцарь.

– А вы? – пискнула Ляля.

– Лягу у входа, чтобы охранять ваш сон, – ответил сэр Луис.

Почувствовав себя, совершенно защищенной, девушка за-

куталась в плащ и провалилась в сон.

– Пора вставать, миледи, – раздался бодрый рыцарский голос. Не раскрывая глаз, девушка пошарила вокруг.

– Еще очень рано, даже мобильник не звонил, – буркнула она.

– Вы привыкли просыпаться под звон музыкальных инструментов? – удивился рыцарь. – Красивая традиция!

– Простите, мессир, я сейчас встану, – сказала девушка, поднялась с жесткого ложа и вышла из пещеры. Яркое голубое небо ослепило ее. Умытое солнце сияло, конь стоял, готовый в дорогу. И даже река выглядела уже не такой бурной, как вчера.

– Как мы будем переправляться на ту сторону? – бодро спросила Ляля.

– Вы поедете на коне, леди Лилиана, а я поведу его под уздцы, – ответил рыцарь. – Завтракайте скорее, и в путь.

Девушка быстро умылась и помолилась. Как вкусен овечий сыр, особенно если стряхнуть с него прилипшую шерсть!

– Я готова, милорд, – сказала она, подойдя к кромке воды. На тот берег вели несколько камней. Темная вода обтекала их, пенясь и журча.

– Позвольте помочь вам, миледи, – и сэр Луис преклонил колено. Ляля испуганно смотрела на реку.

– Вы боитесь ехать на коне? – спросил рыцарь. Девушка молча кивнула, сжав губы, чтобы не завизжать от страха.

– Я перенесу вас, миледи, – просто сказал сэр Луис, закинул поводья на седло и подтянул стремяна, чтобы они не мешали коню.

– Можете держаться за мою шею, – предложил он. Не успела девушка опомниться, как взлетела в воздух и опустилась, извините, своей филейной частью на плечо рыцаря, покрытое кольчугой. Ляля никогда не считала себя худенькой, но молодой человек, казалось, не замечал ее веса. Он спокойно подошел к воде, перекрестился и прыгнул на первый камень. Ляля закрыла глаза. На середине реки рыцарь обернулся и свистнул. Конь сорвался с места и бросился за хозяином, как собака. Девушка похолодела, но не шелохнулась. Через несколько мгновений все живые души оказались на другом берегу. Рыцарь преклонил колени и поставил девушку на землю. Она покачнулась и опустила руки, закрывавшие глаза.

– Благодарю вас, сэр, – сказала она и улыбнулась, медленно розовея.

– Эта речка – приток Гаронны?

– Точно не знаю, леди Лилиана, но через несколько дней мы уже выйдем к Гаронне, а там и до Тулузы недалеко, – ответил сэр Луис.

– Так поспешим, мессир, – произнесла девушка. Рыцарь устроил ее на крупе коня, и путешествие продолжилось. Конь шел таким ровным мягким шагом, что глаза Ляли стали закрываться. Она сцепила руки на поясе рыцаря, при-

жалась к его спине и задремала тревожным сном. Хотя бы на некоторое время можно забыть о сложностях того мира, куда она попала. Рыцарь понял, что дама заснула, и выпрямился в седле, оберегая ее покой. От Тулузы до Гардарики дальняя дорога, но потомок викингов давно хотел побывать в Альдейгьюборге. А что может быть благороднее, чем сопровождать загадочную красавицу, охранять в дальнем пути и вернуть родителям? Сэр Луис преисполнился решимости сдержать свой рыцарский обет.

– Просыпайтесь, леди Лилиана, – позвал он, когда конь под ними притомился. Девушка вздохнула и выпрямилась. Рыцарь снял ее с лошадиного крупа и прыгнул сам. Остатки молока, хлеба и сыра быстро закончились. От вина Ляля отказалась наотрез. Она понимала, что сэр Луис не обидит ее ничем, но что может прийти в голову ей? Девушка внезапно очутилась на месте героини одного из прочитанных ею любовных романов – прекрасная природа, мужественный спутник, романтические ситуации, земляничная поляна, ночевка в пещере, переправа через реку. Теперь осталось только искупаться и облачиться в его рубашку. Но Ляля твердо решила держать себя в руках – путешествие путешествием, прекрасный рыцарь выполнит любое ее желание, но надо же и о будущем подумать, а то можно навсегда оставить свое сердце в двенадцатом веке! Нельзя «ловить момент» – придется возвращаться! А как она будет жить дома, в двадцать первом веке, если потеряет свое нежное сердце

в невероятной петле времени, познакомившей ее с великолепным рыцарем-крестоносцем – мечтой любой сентиментальной особы? Ляля всегда считала себя девушкой рассудительной, не склонной к пустым мечтаниям, поэтому, закончив трапезу, собрала посуду и понесла ее на берег ручейка. А рыцарь вынул точильный камень и занялся своим мечом. Резкий пронзительный звук успокоил Лялю. Хуже было бы, если бы сэр Луис завел с ней нежный разговор, осыпал комплиментами, начал петь любовные песни. У него красивый голос – мужественный и звонкий. Ляля не сомневалась, что он может завораживающе петь о любви.

Эпоха трубадуров! Каждый образованный человек, а рыцарь, несомненно, им был, обязан изучить семь искусств. Он мог слагать красивые песни и исполнять их, подыгрывая себе на музыкальных инструментах. У Средиземного моря, в Провансе и Лангедоке, расцвела красивая куртуазная культура: прекрасные дамы, утонченные манеры, танцы, поэзия, возвышенные отношения между любящими. Сам король Ричард Львиное Сердце был трубадуром, так же как и его прадед по матери Алиеноре Аквитанской. До крестового похода против альбигойцев оставалось еще лет десять-пятнадцать. Ляля попала в красивое время рыцарской куртуазной культуры. Романы «Тристан и Изольда», «Ивен», «Эрек и Энеида», вышедшие из под бойкого пера клирика Кретьена де Труа, создали в высшем аристократическом обществе высокий идеал отважного рыцаря и его прекрасной

дамы. Замки крупных феодалов – королей, герцогов, графов – стали центрами утонченной культуры. Благородным девушкам нечего бояться рядом с сэром Луисом. Идеалы рыцарства вошли в его плоть и кровь, составили основу его личности и стремлений души. Он будет драться до конца за дело, которое считает верным, за христианскую веру, за честь дамы и свою. Он не отступит перед опасностью, превышающей человеческие силы, не отведет глаза, и подлый страх не коснется его сердца. А глаза у него красивые, синие, как море, как небо Пиренеев. «Синие глаза – верные глаза, Динни», – вспомнила Ляля строчку из «Саги о Форсайтах» – любимой книги ее мамы и бабушки. Или эта строчка из «Конца главы» – продолжения «Саги о Форсайтах»? «Саги о Луисе и Лилиане» точно уж никто не напишет», – мрачно подумала девушка.

Ляле очень захотелось поскорее закончить эту невероятную главу своей жизни и вернуться к размеренному, налаженному существованию – дом, учеба, встречи с друзьями, прогулки по Петербургу и его окрестностям. Она уже скучала по Эрмитажу и золотому сиянию статуй Петергофа... Вдохнув, девушка вернулась из дорогих воспоминаний о собственном будущем. Ее сегодняшняя реальность – горная долина, весело журчащий ручеек и отважный спутник, давший ей обет рыцарского служения. Ляля кротко вздохнула, взяла чистую посуду и поспешила к нему.

Увидев приближающуюся девушку, сэр Луис встал, при-

ветствуя ее, и точным движением вернул клинок в ножны. Сапфир в рукояти благородного оружия сверкнул синим огоньком, холодным и острым, как взгляд рыцаря.

– Едем дальше, мессир? – улыбаясь, спросила Ляля.

– Готов сопровождать вас, прекрасная донна, – ответил рыцарь и помог девушке сесть на коня. Их ждет столица Лангедока Тулуза. При дворе графа Раймонда живут алхимики, астрологи, прорицатели. Ляля не собиралась никому рассказывать свою фантастическую историю, но, может быть, случайные легенда или факт подскажут, какова ее задача в жизни двенадцатого века, и как вернуться назад, в свой двадцать первый? Сидя за надежной спиной рыцаря на крупе его коня, Ляля напряженно размышляла, как вести себя с представителями местной научной элиты. Она так углубилась в свои мысли, что не замечала красоты пронесившихся мимо гор, лугов, речек. Солнце клонилось к западу, и сэр Луис объявил:

– Остановимся здесь на всю ночь!

Ляля уже привычно подобрала полы рыцарского плаща, и воин креста опустил ее на землю как пушинку. Девушка присела на травяную кочку, вытягивая уставшие ноги. Место ночлега понравилось Ляле. Речка впадает в маленькое озеро, окруженное соснами. Тростник, лилии, кувшинки, отражаясь в темной воде, свидетельствовали об ее чистоте. Заросли папоротника, ежевики, алычи окружали озеро. Рыцарь расседлал коня, связал несколько деревьев и кустов – получился

шалаш. Насобирав хвороста, опытный путешественник развел костер. Умный конь пасся неподалеку. Сэр Луис снял доспехи. Ляля не успела предложить ему свою помощь как благородная средневековая дама куртуазных романов. Рыцарь нагнулся, сделал спиной волнообразное движение, и хорошо подогнанная кольчуга соскользнула по кожаному колету на мягкую траву. Из седельной сумки он извлек тонкую веревочку, сплетенную из волос – конских, женских, или шелка – и привязал к ней крючок – изящное изделие средневекового кузнеца. «Это же леска!» – изумленно подумала Ляля, наблюдая за действиями рыцаря снизу вверх.

– Мы пообедаем печеной рыбой, – сказал сэр Луис и подошел к берегу озера. Ляля захлопотала, устраивая их временное жилье со всем, доступным в их положении, комфортом. Она сделала веник, подмела пол в шалаше и вокруг. Девушка не терпела грязи и неряшливости ни в себе, ни в окружающем ее пространстве, и находила душевные силы для борьбы за чистоту в мире и отношениях между людьми.

Ляля нашла кусты смородины, нарвала листьев, залила их речной водой и поставила горшок поближе к костру – чай будет на славу! Рыцарь оказался удачливым рыбаком. Пока девушка хлопотала у костра, он поймал двух больших рыб, завернул в листья лопуха и зарыл в угли. Ляля присела у костра, из-под ресниц наблюдая за рыцарем. Она впервые видела его без доспехов. Сэр Луис в кожаных штанах и полотняной рубашке выглядел не менее грозным, чем в рыцарской бро-

не. Двигался он плавно и стремительно, не совершая лишних, неточных, неверных движений.

– Я искупаю коня, прекрасная госпожа, – сказал он, положил руку на гриву верному спутнику и увел за кусты. Вскоре конь стоял в воде, а рыцарь чистил его скребницей и ласково разговаривал с ним. Ляля не хотела смотреть в их сторону, отворачивалась, но краем глаза различала силуэт рыцаря, белевший в летних сумерках. Рубашка его осталась на берегу, великолепная обнаженная фигура возвышалась над поверхностью озера. Широкие плечи, узкая талия, мощная спина. Ляля вдруг поняла, что кожа его торса белеет в сумерках, потому что не знала опаляющего солнца Палестины. «Неужели весь крестовый поход он не снимал кольчугу?» – удивилась девушка. Рыцарь выглядел крепким закаленным бойцом. Он весь, казалось, состоял из тугих жил и мышц. Девушка закрыла глаза, считая подглядывание занятием, недостойным прекрасной дамы. Увлечение порнографией она пережила в четырнадцать лет, и с тех пор эти картинки ее не занимали. Ухаживания сверстников не трогали ее, с мужчинами постарше она старалась не связываться. Ее время было отдано изучению искусства, истории, литературы, а сердце до сих пор пребывало в спокойствии. Конечно, идеал мужчины она лелеяла в глубине своей юной души, но в окружающей реальности еще его не встретила. Будущий избранник Ляли должен быть умным, добрым, внимательным, разбираться в искусстве. И, конечно, быть галантным и нежным, говорить

на разных языках, уметь поддерживать разговор на возвышенные темы. В родном университете к девушке прицепилось прозвище «Русалка» – за зеленые глаза и холодность. Кое-кто называл ее и ледышкой, но шипение злопыхателей не трогало Лялю.

Девушка открыла глаза, услышав топот рыцарского коня и плеск воды, стекающей с него. Помыв коня, сэр Луис отправил его на берег, гибким движением бросился в воду и красиво поплыл. Наблюдавшая за ним из-под ресниц Ляля вспомнила, что плавание – одно из рыцарских умений. Вдоволь накупавшись, сэр Луис подплыл к берегу и встал на ноги. Из воды показались широкие плечи, прозрачные капли стекали по мощному торсу, странно светлому в сравнении с загорелым лицом. Ляля отвернулась, когда молодой человек показался из воды до пояса. Она видела мужскую наготу в произведениях искусства, на фотографиях, в эротике и порнофильмах, и считала, что подглядывание унижает обе стороны. Через несколько минут сэр Луис подошел к костру, уже одетый в мокрую рубашку и кожаные штаны.

– Как вы искупались, мессир? – спросила Ляля.

– Благодарю вас, леди Лилиана, очень хорошо. Я умею плавать с детства, – почтительно ответил рыцарь.

– Вода очень холодная? – продолжала расспрашивать девушка.

– Нет, миледи.

– А какое дно?

– Песчаное, – ответил сэр Луис. – Вы хотите искупаться?

– Да, смыть с себя дорожную пыль, – сказала Ляля.

– Озеро глубокое, – предупредил рыцарь.

– Я с детства умею плавать, – очаровательно улыбнувшись, произнесла Ляля.

– Позвольте предложить вам мою праздничную одежду – шелковую рубашку и шоссы, – сказал рыцарь.

– Я ценю вашу учтивость и охотно ею воспользуюсь, – ответила девушка.

– Следуйте за мной, миледи, – рыцарь предложил Ляле руку, помогая встать. Он повел девушку к берегу, показал удобный спуск в воду, поклонился и вернулся в шалаш. «Заботится как о родной!» – недовольно подумала Ляля, снимая одежду. Но все мысли вылетели из головы девушки, когда она прыгнула в воду лесного озера, пахнущую свежестью. Она плыла, словно парила в темной воде. Дорожная пыль, усталость смылись в один момент. Девушка, смеясь от счастья, ныряла, вспенивала воду, дрыгала ногами и брызгалась, изображая любимый фонтан попеременно – то льва, то Самсона. Это были мгновения чистого – во всех смыслах – счастья. Она верила рыцарской чести сэра Луиса и не боялась, что он будет за ней подглядывать. Ляля за время пути убедилась, что ее спутник не способен на низость. Душа его чиста и тверда, как клинок его меча.

Накупавшись, Ляля подплыла к берегу. Рядом с ее платьем лежала стопка сложенной мужской одежды. Ляля про-

полоסקала, повесила свое платье на ветку куста и подняла рубашку сэра Луиса. Изделие средневекового мастера восхитило девушку – настоящий шелк, белый, гладкий, прохладный, украшен красивой вышивкой по подолу, рукавам, на груди. Но рубашка не имеет воротника и считается нижней одеждой. А шоссы – смешные штаны, похожие на плотные колготки. Одна штанина белая, другая – синяя. Ляля облачилась в средневековую одежду и пошла к костру. Рубашка рыцаря доходила ей до колен, шоссы собирались под коленями, но девушка чувствовала себя чистой и бодрой. Сэр Луис поднялся ей навстречу, пригласил садиться и подал тарелку с аппетитно пахнущим куском запеченной рыбы. Как хорошо вкусно поесть после бодрящего купания в озере! А потом они пили смородиновый чай.

– Расскажите о ваших подвигах в Святой земле, отважный сэр, – попросила Ляля, окончив трапезу. Рыцарь улыбнулся.

– Почему вы думаете, прекрасная госпожа, что я совершал подвиги?

– Весь ваш облик свидетельствует об этом, мессир, – ответила Ляля.

– Я служил Богу и королю, – просто сказал рыцарь. – Ричард Львиное Сердце – пример для всего рыцарства.

– А у вас, мессир, есть дама сердца? – продолжала Ляля и замерла. Слово было сказано, и почему-то очень важным показалось получить ответ на свой вопрос.

– Конечно, миледи, это блистательная супруга графа Рай-

монда Тулузского, – произнес рыцарь.

– Вашего двоюродного деда с материнской стороны? – вскричала Ляля. – Она молода и прекрасна?

– Да, графиня Констанция Тулузская превосходит красотой всех дам своего двора, – восторженно ответил рыцарь. Ляля резко вскочила, и пошла мыть посуду. От ее хорошего настроения не осталось и следа. Она не понимала, почему так расстроилась, когда рыцарь поведал ей о даме своего сердца. У настоящего рыцаря должна быть дама, он совершает в ее честь подвиги и в песнях прославляет ее красоту. Сложив вымытую посуду у входа в шалаш, девушка тихо сказала:

– Я очень хочу спать, сэр.

– Ложитесь, миледи, я проведу коня, – произнес он и скользнул в темноту. Ляля юркнула в низкий шалаш и, перекрестившись, устроилась на походном ложе. Надувной матрас был бы, конечно, предпочтительнее. Гадая, из чего его можно было бы сделать в двенадцатом веке, девушка тихо погружалась в сон. Она слышала, как сэр Луис молился на ночь, потом рыцарские шаги приблизились, и обнаженный меч в его руке отразил багровые блики затухающего костра. Ляля подскочила на жесткой постели, онемев от страха. Сэр Луис опустился на колено перед входом в шалаш и почтительно сказал:

– Миледи, я лягу рядом с вами.

– Да, мессир, – пролепетала она, холодея от своих, нако-

нец сбывшихся, темных подозрений. В голове ее вертелось ужасное слово «маньяк», и совершаемые им насилия и убийства.

– Мой меч будет лежать между нами, – успокоил рыцарь девушку.

– Как в «Тристане и Изольде»? – прошептала читавшая средневековые романы Ляля.

– Именно так, миледи, – с этими словами сэр Луис положил меч посреди ложа и тихо лег. Девушка застыла безмолвным столбиком, холодеющим от страха и ночного воздуха. Сцены из «Тристана и Изольды» всплывали в ее памяти. Влюбленные скрывались в лесу... Литература, пережившая века, дает прекрасные примеры поведения. Минут через десять Ляля почти успокоилась. Молодой человек лежал тихо, не собирався набрасываться на нее, и девушка осторожно легла рядом, укутываясь рыцарским плащом. Обнаженный меч пугал ее. Ведь можно же и порезаться об него в темноте.

– Вы похожи на прекрасную зеленоглазую ирландскую принцессу, – мечтательно прошептал рыцарь.

«Изольда родом из Ирландии», – вспомнила Ляля, замирая от очередного приступа страха.

– Спокойной ночи, донна Лилиана, – произнес рыцарь.

– Спокойной ночи, мессир, – прошептала Ляля. Рыцарь закрыл глаза и тихо заснул. Девушка перестала бояться и немного обиделась. Ей даже не пришлось сопротивляться! Разве ее современник, мужчина в цвете лет и возможностей,

мог бы спокойно спать рядом с молодой красивой девушкой? Но не приставать же к нему самой! Еще согласится разделить ее одиночество! И взволнованная Ляля тоже уснула.

Нахальный солнечный лучик пробился в щелочку свода шалаша и осветил сомкнутые ресницы Ляли. Девушка сладко потянулась в полусне и никого не задела. Она села в убогой постели, откинула плащ, осмотрелась, убедилась, что осталась одна в шалаше – ни рыцаря, ни меча – но не успела испугаться. Шаги рыцаря раздавались на полянке. «Наверное, собирает вещи», – подумала Ляля и устыдилась своих ночных страхов и обид. Как она могла сомневаться в благородстве рыцаря? Честь для него не пустой звук и помогает одолеть самый примитивный из основных инстинктов. Ляля поняла, что сэр Луис отличается от большинства ее современников высокими нравственными принципами и уважением к даме, являет собой зеркало всех добродетелей. Ляля почувствовала сердцем, что может находиться рядом с ним в совершенной безопасности.

– Доброе утро, мессир, – сказала Ляля, выбираясь из шалаша.

– Я чудесно выпалась.

– Доброе утро, леди Либиана, – ответил рыцарь.

– Готовы ли вы продолжать наш путь?

– Только после завтрака, мессир, – произнесла девушка, чувствуя себя свежей и отдохнувшей. Как радостно сознавать утром, что ночь прошла спокойно! Она улыбнулась ры-

царю и продолжала:

– Большое спасибо за вашу одежду. Я поеду в своем платье.

Ляля переделалась, помолилась. Молодые люди позавтракали и к обеду сделали большой переход. Местность начала понижаться. Роскошные луга становились протяженнее, травы выше, а лиственные деревья потеснили сосны. Молодые люди остановились на берегу небольшой реки.

– Думаю, что мы вышли на приток Гаронны, – произнес рыцарь, устраивая девушку на берегу.

– Как скоро мы достигнем Тулузы? – жадно спросила она.

– Наверное, через неделю, демуазель, – ответил сэр Луис.

Девушка задумалась, разглядывая свои руки. Она загорела под солнцем Южной Франции, но в краю смуглых людей все же выделялась светлой северной красотой. Сэр Луис обнажил меч и принялся его точить.

– Мессир, могу ли я посмотреть ваше благородное оружие? – спросила Ляля.

Рыцарь опустился на колено и протянул ей меч. Девушка приняла его обеими руками. Полоса металла длиной около метра холодной тяжестью легла в ее ладони, на сверкающем лезвии матовыми пятнами видны разводы, схожие очертаниями с человеческими фигурками. Ей показалось, что она узнала работу. Это же...

– Дамасский клинок! – восторженно выдохнула девушка.

– Да, я добыл его в Палестине! – гордо сказал рыцарь. Ему

понравилось, что глаза Ляли сияют восторгом, и он спросил:

– Вы уже видели такие мечи, демуазель?

«В энциклопедиях, музеях и Интернете», – подумала Ляля и ответила:

– Дома. В Ладоге большой торг.

– В Альдейгьюборге? – уточнил потомок викингов. Ляля печально улыбнулась и произнесла:

– Да! Ваш меч прекрасен!

Ее взгляд скользнул по изделию восточных оружейников. Девушка восхитилась их шедевром: клинок тяжелый, отделан с благородной простотой. Рукоять обмотана полоской кожи, и только один полукруглый сапфир украшает на вершине. Это оружие не для похвальбы, а для суровых благородных дел, для битв за честь и справедливость.

Сэр Луис, преклонив колено, восторженно взирал на даму, ласкающую взглядом его верный меч. «Я держу в руках душу рыцаря», – поняла она, вспомнив, что в символике оружия меч означает душу благородного воина.

– Возьмите ваш клинок, мессир. Он так же честен и благороден, как и вы, – тихо сказала Ляля. Сэр Луис принял меч, коснулся губами лезвия и вложил его в ножны.

– Едем дальше, демуазель? – спросил он.

– Да, я хочу быстрее добраться до Тулузы, – ответила девушка.

– Двор графа Тулузского отличается пышностью и великолепием. Вы отдохнете там несколько дней, а я найду нам

спутников для поездки на Север, – сказал рыцарь.

Ляля вздохнула и подумала, как трудно ей будет расстаться с таким надежным верным спутником, как сэр Луис. Он окружил ее заботой, ничего не требуя взамен. Как он отличается от ее расчетливых циничных современников! В двадцать первом веке честь, благородство, достоинство, целомудрие уже почти ничего не значат, и смешными кажутся высокие красивые нравственные отношения между людьми. Если долго рассказывать, что миром правят голод, фрейдизм и рыночная экономика, то нестойкие люди поверят в это и решат, что отныне им все дозволено, и только инстинкт размножения определяет бытие.

Все больше современников Ляли жаждут получать простые удовольствия от сигарет, казино, выпивки, порнографии, случайных половых связей. Они забывают, что человек рожден не для счастья, а для усилий и свершений. Все мы пришли на эту землю, чтобы делать предназначенное дело и оставить плоды своих трудов будущим поколениям людей так, как предки оставили нам.

Рыцарь подозвал коня, вскочил в седло привычным лихим прыжком и протянул руку девушке. Путешествие в Тулузу продолжилось. Сидя за надежной спиной сэра Луиса, Ляля невольно сравнивала его со своими современниками его возраста. Странствующий рыцарь пришел на помощь незнакомой даме, принял ее под свое покровительство и дал обет доставить ее родителям. Ляля содрогнулась, предста-

вив себя на минуту в своем времени, ограбленную, беспомощную, лишенную мобильника и денег. Пришел бы кто-нибудь ей на помощь, и не пришлось бы ей потом отбиваться от этого «благодетеля»? А молодежь, ее сверстники? Конечно, есть приличные молодые люди, тянущиеся к знаниям, целеустремленно получающие образование, мечтающие о хорошей работе в стабильно развивающейся стране. Но сколько таких, которые хотят только расслабления и примитивных радостей. Они заглушают голос своей души выпивкой и наркотиками, презируют учебу, не понимают искусство...

Ляля тихо застонала от этих мыслей и положила голову на плечо рыцаря. Неужели ей надо было попасть из двадцать первого века в двенадцатый, чтобы увидеть глубину проблем своего мира? Ляля закрыла глаза. Что делать ей сейчас с этим внезапно пришедшим прозрением?

– Леди Лилиана, мы подъезжаем к городу! – радостно воскликнул рыцарь.

Девушка открыла глаза и выглянула из-за его спины. На горизонте выросли очертания сторожевой башни. Тропинка, по которой они ехали, спустилась с гор и превратилась в проселочную дорогу, ведущую к городу.

– Ну, мой боевой друг, будут тебе сегодня овес и теплая конюшня, – сказал рыцарь, похлопывая по шее скакуна. Ляля хихикнула. Рыцарь шутит, странная средневековая жизнь идет своим чередом. Зубчатые городские стены приблизились, тяжелые ворота открыты, как и положено в середине

дня. Рыцарь бросил монетку стражнику, потеющему в тяжелой кожаной куртке, и громко спросил:

– Какой постоялый двор здесь самый лучший?

– Он у нас единственный, ваша милость, – ухмыляясь, ответил страж. – Вон там, на рыночной площади.

Копыта рыцарского коня застучали по камням городской мостовой. Ляля с любопытством оглядывалась по сторонам. Маленькая темная улочка, грязь, вонь. Высокие дома почти смыкаются крышами, закрывая свет солнца. Но городок процветает, на рыночной площади идет бойкая торговля, красивый собор в романском стиле недавно обновлен, башня ратуши, та самая, сторожевая, соперничает по высоте с собором. Постоялый двор нашелся почти рядом с ратушей. Рыцарь подъехал к самому входу, чтобы Ляля сошла прямо на крыльцо. Конюх, выбежавший из конюшни, поймал поводья рыцарского коня, и сэр Луис почтительно проводил даму за лучший стол. Сам хозяин, низко кланяясь, подошел осведомиться:

– Что угодно знатым гостям?

– Обед и ночлег, – ответил рыцарь.

– Я хочу освежиться с дороги, – произнесла Ляля, стараясь держаться как знатная дама

– Моя жена проводит вас, ваша милость, наверх и покажет вашу комнату, – почтительно сказал хозяин. Подошла его дородная

супруга в белом чепце, присела в низком реверансе

и предложила:

– Прошу вас, мадам, следуйте за мной, – и повела Лялю наверх по устойчивой деревянной лестнице с перилами. Обычная комната с темным дубовым потолком, кровать под шерстяным пологом, резные сундуки. Ляля скинула рыцарский плащ. Хозяйка очень удивилась, увидев знатную даму в одной рубашке, хоть и красивой.

– Мне нужно купить новое платье, – спокойно сказала де-вушка.

– Ваш путь был долгим и трудным, ваша милость? – осторожно осведомилась хозяйка.

– Да, милейшая, – отозвалась Ляля.

– Прошу, ваша милость, умойтесь с дороги, я полью вам, – сказала хозяйка. Ляля подошла к умывальнику – оловянным кувшину и тазу, стоящим на резном столике. Рядом лежало... мыло? Маленькая изящная костяная коробочка открыта, аромат розового мыла плывет по комнате.

– Какое восхитительное у вас мыло! – воскликнула Ляля, зачерпывая немного душистой массы.

– Да, миледи, наш аптекарь готовит его из восточных сна-добий, – гордо ответила хозяйка и взяла кувшин. Ляля вы-мыла руки, умылась, снова закуталась в плащ и спустилась вниз. Сэр Луис ждал ее за богато накрытым столом – суп, жаркое, несколько сортов сыра, зелень, вино. Ляля попробовала всего понемногу. На десерт хозяин предложил знат-ным гостям пирог с вишнями, приготовленный его женой.

Рыцарь бросил хозяину серебряную монету за обед и предложил:

– Леди Лилиана, не хотите ли прогуляться по рыночной площади?

– С удовольствием, мессир, – ответила девушка.

Рыцарь подал Ляле руку и вывел на улицу. Девушке казалось немного странно наблюдать жизнь средневекового города не на киноэкране, не в компьютерной игре, не по телевизору, не даже с крупы рыцарского коня. Но вскоре средневековый праздник жизни увлек ее. Постоялый двор стоит прямо на рыночной площади, и рыцарь с девушкой быстро смешались с пестро одетой толпой. Ляля крепко держалась за руку сэра Луиса, чтобы не потеряться в сумасшедшей людской толчее. Здесь тесно от товаров и торговцев. В теплом воздухе стоят запахи жареного мяса, фруктов, навоза, пряностей. Покупатели теснятся у прилавков, хорош ряд с тканями – льняными, шерстяными, суконными, есть и шелка с Востока. Ляля осторожно погладила скользкий кусок. Она знала о долгом пути из Китая, который проделывали торговые караваны с шелком. Порой он ценился дороже золота.

– А что вы бы хотели посмотреть, мессир? – спросила девушка, налюбовавшись тканями и оглядываясь на рыцаря.

– Я обещал купить вам платье, демуазель, – ответил он, любуясь румянцем, выступившем на щеках девушки. Глаза ее стали ярко зелеными от волнения.

– Какие цвета ваши, леди Лилиана? – продолжал рыцарь.

«Зеленый», – почти ответила девушка, но вовремя вспомнила скабрёзную средневековую песенку «Зеленые рукава».

– Можно я все посмотрю, мессир? – проговорила девушка, восторженно озираясь. – И я хочу приобрести мыло, которое делает местный аптекарь.

– Я буду счастлив, следовать за вами, демуазель, – ответил рыцарь.

На постоянный двор они успели прямо к ужину. Ляля поднялась наверх, рыцарь пошел проведать коня. Покупки уже ждали девушку в спальне. Она получила платья повседневное и нарядное, рубашки, перчатки, шарф, плащ, головной убор, роскошный пояс с кинжалом, чулки, духи, помаду, мыло, гребень для волос и сумку, куда можно положить все эти вещи. Сэр Луис платил, не скупясь. Девушка удивлялась, но не возражала. Переодевшись, она спустилась в общий зал. Аппетитные ароматы супа, жаркого, вина с пряностями витали в воздухе. Сэр Луис поднялся навстречу даме. Теперь она выглядела, как настоящая принцесса, странствующая в поисках приключений. Платье из голубого льна обтягивает ее стан, глубокий треугольный вырез открывает шею и часть груди, длинные рукава висят почти до пола, узкие полотняные рукава нижнего платья завязаны шнурками, на поясе висит кинжал. На голову Ляля накинула легкий шарф, так как убедилась, гуляя по рынку, что порядочные средневековые женщины не ходят без головного убора. Сандалиии девушка оставила свои, удобные, кожаные, не решив-

шишь доверить нежные ухоженные ноги изделиям средневековых сапожников.

– Вы прекрасны, леди Лилиана, – с поклоном сказал сэр Луис. Она слегка зарделась, а хозяин подал им превосходный ужин – мясо, рыбу, птицу, пирожные на меду. Рыцарь прочел молитву. Ляля ела мало, утомленная ходьбой по рынку. В городе она не чувствовала такого аппетита, как в горах, на берегу весело звящего ручья, овеваемая свежим ветерком.

– Мессир, мы сходим в собор? – спросила девушка, отодвигая тарелку.

– Я пойду, мне нужно поговорить со священником, – ответил рыцарь. – Но вы, миледи, устали за сегодняшний день.

– Да, я устала, но хочу посетить собор, – произнесла Ляля.

– Прошу вас, миледи, – сэр Луис предложил Ляле руку. Она легко положила пальцы на тыльную сторону его руки, подобрала подол платья, и молодые люди двинулись по улице, как будто исполняя старинный танец, медленный и величавый. К собору стекались прихожане. Они расступались, вежливо пропуская даму в сопровождении рыцаря. Возвышенное отношение к прекрасным дамам распространялось из замков – центров придворной куртуазии – на все слои общества. Так было в землях графства Тулузского, Лангедока, Прованса. Рыцарь подал Ляле святую воду, она коснулась его руки, перекрестилась, вспомнив эпизод из «Трех мушкетеров» – как Портос подавал святую воду миледи. Сэр

Луис подвел прекрасную спутницу к первому ряду скамей и бережно усадил. Собор в романском стиле выглядит просто и величаво. Ляля рассматривала резьбу на капителях колонн, находя знакомые по книжным иллюстрациям сюжеты. Родина готики Париж, но сюда, в земли у Средиземного моря, новый стиль еще не дошел. Здесь все еще сильно влияние античности и ее продолжения – романского стиля. Служба потрясла Лялю суровой торжественностью, так гармонирующей со всем обликом собора – длинная, на латыни, хор пел величаво, но орган еще не звучал. Орган попал в Европу после четвертого крестового похода. Этот инструмент был частью сложного церемониала императорского двора Византии, играл, когда базилевс садился на трон, а в Западной Европе превратился в торжественное сопровождение католического богослужения. Ляля восторженно внимала певчим. Душа ее взлетала в заоблачные выси с их красивыми голосами. После окончания службы священник благословил прихожан. Рыцарь подошел переговорить с кюре, а девушка пошла по церкви, разглядывая каменную резьбу. «Библия для неграмотных»! Ей, как будущему искусствоведу, знакомы эти сюжеты: Ноев ковчег, Вавилонская башня, хотя трудно угадать в маленькой клетушке из хлипких жердочек Вавилонскую башню.

– Какая красивая церковь! – воскликнула Ляля, подойдя к священнику. Сэр Луис сделал пожертвование, молодые люди получили благословение и вернулись на постоя-

лый двор. Девушка поднялась в комнату и сняла средневековое платье. Она еще не привыкла к длинной широкой юбке, затянутой под грудью. Конечно, фасон красивый, женственный, но неудобный. Девушка умылась, воспользовалась новым кремом из луковицы лилии – так ей посоветовал аптекарь – помолилась и легла в широкую кровать под пологом, окружавшим постель со всех сторон. Зимой, чтобы не замерзнуть, его можно задернуть, а в постель для тепла взять жаровню с горячими углями. Как избежать при этом пожара, история умалчивает. Сквозь сон Ляля слышала, что кто-то вошел в незапертую дверь. Наверное, это был рыцарь. Но девушка уже настолько ему доверяла, что не боялась спать в постели вдвоем – она, рыцарь и меч. Ляля даже не раскрыла глаза, чувствуя себя под надежной защитой. Сэр Луис покинул спальню, когда рассвет еще не окрасил восток. Ляля сладко спала на удобной кровати, давая отдых телу, измученному ночевками в суровых походных условиях.

Ласковый солнечный лучик пробился сквозь полог постели, как сутки назад в щелочку свода шалаша на берегу лесного озера, и разбудил девушку. Она проснулась с улыбкой, быстро оделась и спустилась вниз. Сэр Луис давал последние распоряжения трактирщику.

– Доброе утро, миледи!

– Доброе утро, ваша милость!

– Доброе утро, мессире, – ответила Ляля на приветствия и заняла место за столом. Ожидающий гостей завтрак радо-

вал глаз и дразнил обоняние – горячая молочная каша, творог, молоко и холодное мясо для рыцаря. Жена хозяина подала горячие сладкие булочки. После вкусной еды сэр Луис сказал:

– У меня для вас хорошая новость, леди Лилиана.

– Не сомневаюсь, мессир, – девушка улыбнулась своему рыцарю.

– Я нашел купеческое судно, оно сделает остановку в Тулузе, – продолжал он.

– Очень хорошо, сэр Луис, мы едем на нем? – спросила Ляля.

– Купеческое судно плывет по Гаронне, и я предлагаю вам путешествие в Тулузу со всеми удобствами, – рассказывал рыцарь. В глазах девушки потемнело от страха быть брошенной. Только она начала доверять сэру Луису, а он купил ей одежду и торопится избавиться от нее!

– А вы? – пролепетала она, пытаясь усилием воли отогнать черную пелену отчаяния, затмившую взор.

– Я поеду по берегу, – продолжал он. – Речные суда не предназначены для перевозки коней.

– Особенно, рыцарских, – сквозь слезы улыбнулась Ляля.

– Вы поплывете на судне. Это легкое приятное путешествие. На стоянках мы будем видеться, – рассказывал сэр Луис. Девушка

немного успокоилась.

– Когда мы отправляемся? – спросила она.

– Прямо сейчас, – ответил рыцарь. – Собирайте вещи, я провожу вас к городской пристани.

Молодые люди поднялись в спальню, Ляля собрала вещи, повязала голову шарфом, не решаясь примерить остроконечный средневековый головной убор. Сэр Луис протянул ей маленький вышитый бархатный мешочек.

– Что это? – удивленно спросила Ляля.

– Немного денег, вдруг вам захочется что-то купить, а меня не будет рядом, – просто ответил рыцарь.

Ляля подумала, что все товары на купеческом судне упакованы для перевозки, но ничего не ответила, а рыцарь взял ее сумку и почтительно проводил на улицу. Оседланный конь уже ждал своего хозяина у крыльца. Сэр Луис щедро расплатился с трактирщиком, вышедшим проводить знатных гостей, и молодые люди поехали на пристань.

Городок вырос у брода. В Германии в названии таких городов присутствует слово «фурт», а огороженный город называется «бург». Название этого городка не осталось в памяти девушки. Погрузка на судно сопровождалась большой суматохой. Вещи Ляли перенесли в маленькую отдельную каюту, а девушке предложили мягкое сидение на корме. Настало время прощаться.

– Спокойного пути вам, прекрасная госпожа, – сказал с поклоном рыцарь.

– До свиданья, милорд, погладьте за меня вашего скакуна, – ответила девушка. Он поклонился еще раз, сбежал

по сходням и вскочил в седло. Ляля с умилением заметила, что воин креста железной рыцарской дланью гладит и треплет роскошную гриву коня, выполняя просьбу дамы. Девушка устроилась на корме – самом приятном месте любого судна. Под натянутым от солнца тентом, обвеваемая легким ветерком, сидя на удобных подушках, она отдалась расслабляющей неге путешествия по воде. Ляля и в двадцать первом веке очень любила круизы, особенно плаванье на Валаам. После посещения святого острова светлая радость долго жила в ее душе.

И сейчас тихий восторг переполнял ее душу от созерцания прекрасных видов, проплывающих по разные стороны судна. Местность стала почти равнинной, лишь на горизонте угадывались очертания горных цепей. Берега реки тянулись пологие, покрытые зеленой травой, купами деревьев, фруктовыми садами и виноградниками. Вставало солнце, день обещал быть жарким, но остатки утреннего тумана еще плыли над рекой. Ляля наслаждалась зрелищем красивой природы, облагороженной трудами человека, но внимательнее всего она высматривала не чудесные виды, а высокую фигуру в белом плаще с красным крестом. Ее рыцарь едет на белом коне. Девушка вспоминала совместное путешествие с сэром Луисом, и как он обращался к ней – леди, демуазель, донна. Таково наследие эпохи Карла Великого, когда начало формироваться европейское рыцарство. Великого Карла считают своим во Франции, Италии, Германии. Потом, когда гра-

ницы стран станут более четкими, обращения к дамам тоже разъединятся. Но в двенадцатом веке Франция была маленькой, гораздо меньше Англии – почти империи, которой принадлежали Британские острова, Ирландия и земли на континенте. Мать короля Ричарда Львиное Сердце принесла в приданое своему второму супругу Генриху Плантагенету Аквитанию, Мэн, Анжу. Так Англия приобрела еще более обширные владения на континенте, а утонченная южная культура распространилась в Англии. Алиенора (Элеонора) Аквитанская, еще будучи замужем впервые, за французским королем, произвела революцию в одежде знатных дам. До этого придворные носили простые платья, больше похожие на мешки с дырками для головы и рук. Королева Алиенора ввела в моду платья из драгоценных тканей, богато отделанные, с длинными рукавами, пришнурованными к лифу, туго обтягивающему фигуру. Обращение «лорд» и «леди» стало английским. Ляля вспомнила, что лорд означает хозяин, властелин (колец, земель, людей ...). Леди, соответственно, – хозяйка. Но лет за пятьсот до двенадцатого века значения этих слов были совершенно другими. «Леди» звалась та, кто замешивает хлеб, «лорд» – тот, кто охраняет этот хлеб. И при разводе, если таковой случался – тогда христианство еще не оказало столь благотворного влияния на нравы, как в последующие века – лорд получал весь выпеченный хлеб, а леди – кадку с замешанным тестом.

Ляля хихикнула и протянула руку за сладкой булочкой.

На корме вместе с ней сидел итальянский купец с помощниками. Они громко переговаривались на своем звучном нежном языке. Подросток лет четырнадцати играл на лютне и напевал сладкую песенку. Казалось, свою знаменитую картину Караваджо написал с него. Но будет это через четыреста лет. В тринадцатом веке в Италии начнет набирать силу культура Проторенессанса, раннего Возрождения. Джотто, Данте, Петрарка начнут эту красивую эпоху итальянской культуры, а завершат гении Микеланджело и Леонардо да Винчи.

Обращение «донна» означает госпожа. «Мадонна» – моя госпожа – то же, что и «миледи», и «мадам». Эпоха трубадуров вознесет этот титул до уровня идеального образа, но после истребления утонченной аквитанской культуры слово «донна» станет принадлежностью только Италии. Изящная куртуазная культура Южной Франции была уничтожена, но творческий импульс ее не погас, и Возрождение началось на Аппенинах. Данте собирался писать «Божественную комедию» на провансальском языке, но, даже написав свой шедевр на родном тосканском, сохранил размер стиха и рифмы трубадуров Лангедока.

Девушка лениво слушала красивую песню и смотрела на поверхность воды. Неширокая река, берега покрыты зеленой травой, на темной воде покачиваются кувшинки и лилии, а над водой перелетают с цветка на цветок стрекозы – изящные хищницы мира насекомых. Стрекозы питают-

ся мошками, а не сладким нектаром. Их гибкие тела пере-
ливаются под всходящим на небо южным солнцем всеми от-
тенками синего цвета, огромные глаза отсвечивают зеленым.
Ляля вспомнила, что во Франции стрекоз называют «дему-
азель» за их грациозную легкость. Тут же басня «Стреко-
за и муравей» всплыла в памяти девушки. Жаль, что здесь
нельзя рассказать ее никому. Да и как перевести с русского
на южно-французский язык ... «а зима катит в глаза»? Ляля
жевала булочку, зной усиливался.

– Мадонна Лилиана, – обратился купец к девушке по-про-
вансальски.

– Слушаю вас, мессир, – вежливо ответила она.

– Вы прибыли с Севера?

– Да, из Ладogi, – сказала девушка и похолодела – а вдруг
этот купец бывал в Ладогe, и уличит ее в самозванстве?

– Мадонна Лилиана, случилось ли вам проходить по тор-
говой площади вашего родного города? – спокойно спраши-
вал купец.

«Апраксин двор, Сенная, Троицкий рынок... я бывала
на всех», – грустно подумала Ляля и ответила:

– Да, конечно, мессир.

– Какие товары привлекают внимание утонченной пре-
красной дамы, подобной вам? – продолжал купец.

– Ткани, красивые наряды, обувь, меха, благовония, дра-
гоценности, – ответила Ляля и внезапно поняла, что в два-
дцать первом

веке ее волнует то же, что и ее сверстниц в двенадцатом. И еще любовь! Ляля всегда презирала девиц, у которых на уме были только мальчишки и приятно проведенное с ним время, но сейчас она чувствовала, что ее сердце замирает и проваливается в сладкую бездну при одной мысли о сэре Луисе.

– Какие необычные у вас серьги, синьорина Лилиана, – продолжал итальянец.

– Это бриллианты, – машинально ответила она, мысленно представляя глаза рыцаря, похожие на темные сапфиры.

– Я знаю индийские бриллианты, но они и вполтину не так красивы, как ваши, – сказал купец.

– Пожалуйста, посмотрите, синьор, – отстраненно вежливо предложила Ляля, сняла одну сережку и протянула ему на раскрытой ладони. Крохотный бриллиант, поймавший солнечный луч, бросил на ее бледную ладонь яркие искры, а девушка прикусила язык, запоздало вспомнив, что бриллианты в Западной Европе начали гранить не ранее пятнадцатого века. Гентский алтарь ван Эйка с любовно выписанными драгоценными камнями предстал ее мысленному взору, и Ляля беззвучно застонала от своей глупости.

– Благодарю, донна Лилиана, – почтительно сказал купец, возвращая сережку. Девушка улыбнулась.

– Мне подарили их родители.

– Наверно, как часть богатого приданого, – сказал итальянец.

– Возможно, – рассеянно произнесла Ляля и задумалась, заметил ли сэр Луис ее серьги. Купец продолжал говорить, она отвечала, призвав на помощь все свои познания об истории Ладogi двенадцатого века и мысленно благодаря своих преподавателей, сумевших вложить ей в голову, оказывается, очень много знаний.

– ... а еще в Ладогe существует стекольное производство. Им занимаются «кузнецы по стеклу». Наши девушки носят стеклянные браслеты по несколько штук, все разноцветные, – Ляля разливалась, как сирена. Но того, кого ей внезапно захотелось обольстить, не оказалось рядом. Купец заслушался интересным рассказом:

– Когда девушка хочет купить новый стеклянный браслет, она идет к кузнецу, выбирает понравившийся, он обертывает ей руку берестой, чтобы не обжечь, и сваривает браслет прямо на руке хозяйки. Теперь стеклянное украшение можно снять, только разбив.

– Мадонна Лилиана, вы рассказали мне много интересного! – восхищенно воскликнул купец.

– Какова цель вашей торговой экспедиции? – осторожно осведомилась девушка.

– Руан! – ответил купец.

– Столица герцогства нормандского! – воскликнула Ляля. – Я бы хотела побывать там.

– Вы можете путешествовать с моими людьми и товарами, – вежливо сказал купец.

– Рыцарь, мой благородный спутник, хочет навестить родственников в Тулузе, – важно ответила девушка и замолчала.

«Сэр Луис!» – сладко и больно звучало это имя в ее душе. Его лицо, волевое, загорелое, всплыло в памяти девушки, затмив тоску по дому. Его синие глаза... Ляля вонзила ногти в ладони, чтобы не думать о единственном человеке в этом мире, с которым ей жаль будет расстаться, когда она вернется домой. Девушка прошептала краткую молитву об укреплении своей души. Если уж ей выпала невероятная возможность посетить двенадцатый век, надо успеть повидать как можно больше, а по возвращении домой написать диссертацию о костюмах двенадцатого века и о поэзии трубадуров. Глаза Ляли, затуманенные грезами о любви, стали опять зелеными и холодными. С интересом исследователя она обратила взор на устройство корабля. Встав с любезной помощью купца, девушка обошла корабль, беседуя с итальянцем о его товарах и торговле. Прекрасный южный день становился все жарче, исследовательский пыл Ляли остыл, и она с удовольствием спустилась в каюту отдохнуть. Сиеста – разумный обычай в самые жаркие часы палящего южного дня. Заперев дверь маленькой каюты, девушка сняла шарф, стащила голубое полотняное платье – теперь уж она с полным знанием дела сможет его описать! Сняв с пояса кинжал, она сунула его под подушку, чтобы сразу схватить в случае опасности. В двенадцатом веке жизнь непредсказуема! Ляля вытянулась на узкой постели и закрыла глаза. Плавный ход судна

успокаивал, навевал грезы. Хорошо плыть по реке и отдыхать от забот, наслаждаясь путешествием. Девушка заснула.

Сэр Луис дал отдых коню в самое жаркое время дня, а под вечер нагнал судно, на котором плыла спасенная им дама. Купцы остановились на ночлег у пологого берега реки. Здесь к Гаронне спускались зеленые луга, но купцы выставили охрану. На берегу уже раскладывали костры, готовили ужин. Сэр Луис подъехал, приветствуя итальянцев, расседлал коня и приготовился к ночевке. Леди Лилиана еще не появлялась, но рыцарь сердцем почувствовал момент, когда она вышла на палубу.

Ляля внимательно посмотрела на берег и сразу заметила высокого рыцаря.

– Добрый вечер, мессир, – зардевшись, сказала она.

– Добрый вечер, донна Лилиана, – ответил он и поспешил к сходням. Ляля подобрала подол голубого платья и, опираясь на твердую руку рыцаря, сошла на берег. После дня пути по воде она была рада почувствовать под ногами твердую землю. Смеркалось. На потемневшем небе вспыхивали звезды, стрекотали цикады, душистые запахи луговых трав разливались в теплом воздухе.

– Как проходило ваше путешествие? – спросил сэр Луис.

– Чудесно, благодарю вас! – радостно ответила Ляля. – Плыть по воде и созерцать берега – такое наслаждение!

– Вы не устали, демуазель? – продолжал расспрашивать рыцарь. Все, что имело отношение к леди Лилиане, приоб-

рело в его глазах особый интерес.

– Нет, весь день я отдыхала на борту судна, – ответила девушка и продолжала: – Путешествовать по воде очень приятно, а теперь я хотела бы прогуляться по берегу.

– Прошу вас, леди Лилиана, – сказал рыцарь и повел даму вдоль берега. Стемнело. Она запрокинула голову, вглядываясь в ночное небо. Полная багровая луна поднималась на небо, ее диск казался громадным. «А вдруг я очутилась в каком-нибудь сказочном средневековье?» – с ужасом подумала Ляля. «Луна над полуостровом Квиттинг всегда большая и золотая, больше, чем на других остановках Морского пути», – читательская память неожиданно выдала цитату из любимой книги-фэнтези, и девушка застыла, напряженно вглядываясь в луну и звезды, ее окружающие. Ее рука лежала в ладони сэра Луиса, но мысленно она была далеко от него. Рыцарь скромно созерцал ее строгий профиль с крепко сжатыми губами.

Взгляд в небо успокоил девушку. Звезды сияют крупными бриллиантами. Летний треугольник – Вега, Денеб, Альтаир – виден на своем месте. Ляля нашла с детства знакомые созвездия. Большая Медведица, Малая, Кассиопея выстроились, как им и положено... Просматривалось даже созвездие Лиры в виде ромба. Ляля бывала с родителями в Крыму, на Кавказе, поэтому могла представить знакомую карту звездного неба с поправкой на широту и восемьсот лет. Слава Богу, это нормальный двенадцатый век, какое счастье!

Девушка поняла, что снова дышит, и, улыбаясь, посмотрела на рыцаря.

– Отличаются ли наши звезды от знакомых вам, леди Ли-лиана? – вежливо осведомился он.

– В общем, нет. Но чем ближе к северу, тем выше Полярная звезда, – ответила Ляля. – А какие звезды вы видели в Палестине?

– Такие же, как и здесь, на моей родине, – спокойно про-изнес сэр Луис.

– А луна, какая луна в Палестине? – продолжала девуш-ка и замерла – если сэр Луис ответит правильно, значит, он – умный, образованный человек, с ним можно общаться на равных, а не просто принимать его помощь.

– В Палестине светит огромная золотая луна. А вы не зна-ли этого, миледи?

«Квиттинг отдыхает», – подумала Ляля и печально сказа-ла:

– Мне никто об этом не рассказывал.

– Серп ее похож на узкую золотую лодочку, плывущую по небесной реке, – радостно продолжал сэр Луис.

«Конечно, он потомок викингов, искусных мореходов, и должен знать звездное небо!» – воскликнула про себя де-вушка и спросила:

– И что, этот серп лежит на боку?

– Да, – ответил рыцарь. – Наш полумесяц висит боком, а палестинский лежит на боку.

Ляля замерла, переваривая информацию. «Конечно, Палестина расположена ближе к югу», – растерянно подумала девушка, и зрительная память развернула перед ней страницу географического атласа. Палестина расположена недалеко от Египта. От внезапного озарения Ляля слегка вскрикнула – она поняла, почему бога Ра изображали плывущим по небесной реке в золотой ладье. Египтяне так видели месяц.

– Что случилось, донна Лилиана?

– Вспомнила дом, – печально ответила девушка и изумленно вскрикнула еще раз. Действительно, Каир и Санкт-Петербург находятся на одном меридиане, и египетские сфинксы вот уже третий век охраняют Академию художеств на берегу широкой Невы.

– Осторожно, демуазель, не споткнитесь, – сказал рыцарь.

– С вами я ничего не боюсь, – ответила девушка, возвращаясь на берег Гаронны. – Вы поддержите меня.

– Наше путешествие только начинается, леди, – сказал рыцарь.

Ляля чувствовала себя очень неловко. Надо ли ей еще испытывать своего спутника, чтобы убедиться в его надежности? Но после ночевки втроем в шалаше – она, он и меч между ними – девушка полностью ему доверяла. Что еще ей нужно от сэра Луиса? Неужели убедиться, что он достоин ее на интеллектуальном уровне? Ляля содрогнулась, как на краю пропасти.

– Вам холодно, миледи? – встревожено спросил рыцарь. Нежные пальцы девушки затрепетали в его руке, и он почувствовал эту дрожь.

– Да, я хочу вернуться к костру, – тихо сказала Ляля.

– Пойдемте, миледи, – предложил рыцарь.

Ляля пошла за ним, ноги ее подгибались. Неожиданно открывшаяся бездна собственной души испугала девушку.

У костра уже все приготовлено для вечерней трапезы. Купцы усердно молятся. Ляля только в музеях видела маленькие походные алтари, вырезанные из дерева. Острый столбик втыкается в землю, створки распахиваются, вырезанные из дерева святые и распятие являются взорам верующих. Походная молельня готова! Рыцарь благоговейно преклонил колени перед маленькими фигурками святых и Иисуса. Ляля со стесненным сердцем упала на колени и зашептала по-русски: «Господи, помилуй мя грешную». Ее мучил стыд перед сэром Луисом. Неужели она хотела убедиться в своем интеллектуальном превосходстве над спасшим ее рыцарем? Общая молитва кончилась, и угрызения совести Ляли утихли. Она дала себе слово больше не подвергать сэра Луиса подобным испытаниям. За трапезой рыцарь прислуживал даме с усердием пажа. Им для двоих подали кусок жаркого на ломте хлеба и серебряный кубок с подогретым вином. Сэр Луис аккуратно резал мясо своим кинжалом и куртуазно подносил кусочки ко рту девушки, чтобы она не испачкала пальцы в жире жаркого. Ляля выпила немного

вина и отдала кубок рыцарю:

– Благодарю вас, мессир, за заботу обо мне. Я уже сыта.

– Не стоит благодарности, миледи, служить вам – честь для меня, – с поклоном ответил рыцарь.

– Спокойной ночи, милорд, – сказала Ляля.

Рыцарь проводил девушку на судно и помог взойти по сходням.

– Приятных сновидений, леди Лилиана, – сказал он с поклоном.

– Спокойной ночи, мессир, – ответила она и спустилась в крохотную каюту. Рыцарь проводил ее взглядом, услышал скрежет засова и пошел к своему коню. Девушка разделась и легла. Засыпая, она помолилась, закрыла глаза и в полусне шепнула:

– Сэр Луис, звякни мне на мобильник, как устроился на ночь, как конь...

«Откуда у рыцаря мобильник?» – последняя трезвая мысль пронзила засыпающую Лялю. «Надо купить!» – не растерявшись, ответила она сама себе. Сон уже затянул девушку в зыбкое марево, и она совершенно отчетливо увидела, как об руку с сэром Луисом заходит в магазин, где продаются сотовые телефоны, и выбирает ему самый модный аппарат, убеждая, что рыцарю нельзя без мобильного. У самой Ляли из мобильного звучал Моцарт. А какая мелодия подойдет отважному рыцарю? Девушка во сне перебирала картинки и музыку на новом мобильнике сэра Луиса. Внезапно

она совместила языки пламени и низкий протяжный вопль. «Ну и звуки в памяти современных мобильных! Кому это может быть интересно?» – во сне подумала Ляля и попыталась найти что-нибудь более возвышенное, например, вечно живую классику – Моцарт, Бах, Чайковский – и приятные глазу картинки – цветы, море, виды родного Петербурга. Как хорошо совместить взлет шпиля Петропавловки и торжественную фугу Баха! Но сколько она ни нажимала кнопки изящного аппарата, звук длился и длился, а языки пламени не хотели уступать место золотому росчерку шпиля собора на голубом питерском небе. Раздосадованная Ляля отшвырнула мобильник и проснулась. Ее рука высунулась из-под одеяла, но звук не стихал. Сердце Ляли дернулось от ужаса и поднялось к горлу, затруднив дыхание. Девушка спрыгнула с узкого ложа и метнулась к окошку, страшась узнать, в чем дело. Но надо же понять, кто издает этот звук, чтобы не сойти с ума от ночных страхов! Девушка робко приоткрыла узкое окошко. Луна поднялась выше, стала меньше, ярче и теперь изливает мертвенный серебристый свет на лагерь спящих купцов. Но, оказывается, спали не все. От леса наступали темные фигуры, часовые валились на землю со стрелами в горле или глазнице. Один человек упал в костер и не делал попыток подняться – стрела вошла ему под лопатку. Другой катался по земле, пытаясь сбить огонь с горящей одежды – его крик и разбудил Лялю. Неорганизованное сопротивление сонных испуганных людей было быстро подавлено,

и разбойники приступили к грабежу.

Ляля, всхлипывая от страха, бросилась к своей одежде. Натягивать непривычное платье тяжело – руки трясутся, рукава скручиваются, юбки заворачиваются. Но девушка справилась со средневековой одеждой и вытащила из-под подушки кинжал. Изящная рукоять надежно легла во влажную ладонь, и Ляля несколько приободрилась. Ей надо скорее присоединиться к сэру Луису. Он разгонит этот подлый сброд, просто обнажив благородный клинок.

Сэр Луис проснулся от свиста стрелы, полежал мгновение, отметил, что летучая смерть опять прошла мимо, перекатился на живот и внимательно осмотрел поле ночной битвы. «Даже нехристи в Палестине не нападали ночью!» – подумал он с отвращением, откинул плащ и поднялся, одновременно выхватив из ножен верный меч. Он даже не надел кольчугу. Шайка ночных разбойников грабила все, до чего могла дотянуться. Рыцарь обрушился на них, огромный и беззвучный, как мстящий призрак. Его меч разил без промаха, разбойники не могли оказать сопротивление разгневанному воину. Рыцарская выучка и натренированное тело принесли сэру Луису победу в ночном бою. Перебив всех нападавших, рыцарь взбежал по сходням на корабль – он беспокоился о леди Лилиане. Неприятное пробуждение страшнее всех ночных кошмаров! Держа меч в левой руке, рыцарь направился на корму судна к каюте леди. Девушка прижалась к стене у закрытой на засов двери. Сейчас она не мог-

ла вспомнить, в какую сторону открывается эта ненадежная дощатая дверь. Звук быстрых шагов по палубе. Человек идет к каюте Ляли. Сердце ее упало, во рту пересохло. «Кто-то стоит за дверью», – панически подумала она и схватила в левую руку подсвечник с погасшей оплывшей свечой...

– Леди Лилиана, не бойтесь! – услышала она свое имя сквозь доски двери и узнала голос сэра Луиса. Колени девушки подогнулись от радости. Он жив и пришел за ней! Всхлипывающий полу-стон, полу-выдох вырвался из ее груди, подсвечник и кинжал с глухим стуком упали на пол, прикрытый тонкой тростниковой циновкой. Рыцарь услышал эти звуки и ударом ладони высадил дверь, отделяющую его от дамы, которую он поклялся охранять. Темнота в маленьком помещении не была полной. Серебристый лунный свет достигал узкого окошка каюты, тонкий светлый луч рассеивал мрак. Ляля прислонилась к стене, ноги не держали ее, но губы раздвинулись в слабой улыбке. Ее рыцарь пришел за ней, и теперь все будет хорошо. Он защитит ее от ночных страхов и доставит в безопасное место.

– Ты пришел, – выдохнула Ляля, отделилась от подпирающей ее стены и рванулась к своему рыцарю. В два шага она оказалась рядом с ним, ее руки обвились вокруг его шеи, и она застыла в самом надежном на свете убежище. Рыцарь обнял ее правой рукой, держа меч – в левой. Ляля закрыла глаза, вдыхая его запах, ставший почему-то родным. Никогда раньше она не могла вынести, чтобы от мужчин пах-

ло потом, но сейчас ее рыцарь пах ночной свежестью, луговой травой и боевым потом, и этот запах был Ляле приятнее, чем шлейф дорогого французского одеколона, созданного для обольщения бедных женщин. «Обольщается тот, кто этого жаждет!» – подумала Ляля, успокаиваясь после ночного кошмара рядом со своим защитником. Она машинально гладила латы на груди рыцаря. Теплый металл был хорошо отполирован, и ее пальцы скользили, как по дорожному атласу. Вдруг она с воплем отдернула руку – металл, прикрывавший грудь рыцаря, почему-то порос курчавыми волосами! Сэр Луис слегка вздрогнул, отстранил девушку и запахнул рубашку на груди. Но все равно его рельефная мускулатура создавала странную картину – казалось, что рубашка рыцаря наброшена поверх лат, а вовсе не на голую грудь. Ляля покраснела и закрыла руками пылающее лицо. Сэр Луис поднял с пола потухшую свечу и обнаженный кинжал. Он оценил отвагу леди Лилианы – она готовилась защищаться, а сейчас, сраженная стыдом, стояла, закрыв лицо, не в силах взглянуть на своего спасителя.

– Леди Лилиана, – позвал он. – Опасность миновала!

Она справилась с собой и опустила руки. Рыцарю показалось, что в тесной каюте стало светлее – лицо девушки осветил лунный свет, холодный, но яркий.

– Что это было? Кто на нас напал? – спросила она, и жалость пробралась в стойкое сердце рыцаря.

– Разбойники, – ответил он. – Но больше не надо бояться!

Ляля широко распахнула глаза.

– Вы...

– Рыцарская выучка, – пожал плечами сэр Луис. Ляля, молча, смотрела на рыцаря – он один разогнал шайку разбойников и убил... да, убил... всех этих людей. Ей следовало бы с отвращением отшатнуться от него, вспомнив об общечеловеческих ценностях, но стена каюты подпирала ее сзади, колени дрожали... Разбойники шли грабить мирных путников и получили по заслугам! Ляля подавила дрожь во всем теле, радуясь, что осталась жива, и довольно твердым голосом сказала:

– Благодарю вас, мессир, вы спасли нас всех!

– Не стоит благодарности, леди Лилиана, я исполнил рыцарский долг, – коротко поклонился он.

– У нас много раненых? – спросила Ляля.

– Я собираюсь сейчас пройти по берегу и посмотреть, кто остался в живых, – сказал сэр Луис.

– Я иду с вами, – решительно заявила Ляля.

– Леди Лилиана, это зрелище не для глаз прекрасной дамы, – возразил рыцарь.

– Я видела много крови и страданий, – сказала девушка. «Голливудские фильмы ужасов приучили не бояться сверхъестественного, а только досадливо морщиться, когда брызги клюквы уж очень смачно плюхаются в объектив камеры».

– Что ж, идемте, миледи, – сказал рыцарь. – Раненым надо помочь, – он подал руку девушке и помог ей сойти с судна.

Полная луна сияла так ярко, что факелы оказались не нужны. Рыцарь и девушка двинулись по берегу, осматривая следы скоротечной ночной схватки. Нападавшие погибли все. Следы рыцарского меча устрашали – тела были разделены от ключицы до талии, головы сэра Луис срубал одним ударом. Несчастные отныне нуждались только в заупокойных молитвах. Бедняга, упавший в костер, уже не кричал – затих навеки. Ляля глотала слезы, сочувствуя людским страданиям, но твердой походкой шла за сэром Луисом. Итальянцы бросились им навстречу, задыхаясь от волнения. Купец благодарил рыцаря за спасение свое и товаров:

– Сам Сан-Микеле направил вашу руку, доблестный рыцарь, – восклицал он, кланяясь победоносному воину.

– Возблагодарим же небо за счастливое избавление, – ответил сэр Луис.

Спасенные люди опустились на колени и горячо поблагодарили Пресвятую Деву, Иисуса Христа и архангела Михаила за заступничество. После молитвы купец распорядился рыть могилу для убитых, а раненых переносить на корабль. Ляля помогала, чем могла – попросила вскипятить воды, обмыла раны, сделала повязки. Серьезно ранен был мальчик, игравший на лютне – у него оказалось сотрясение мозга. Бедняга успел увернуться от разбойничьего оружия, но разбил голову о камень. Ляля устроила его поудобнее на своей койке, положила прохладный компресс и задумалась, чем бы еще помочь страдальцу. «Подорожник, – вспомнила она. –

Я видела его на берегу!»

Решительно подобрав подол платья, девушка направилась к сходням.

– Куда вы идете одна? – удивленно спросил купец.

– Набрать лекарственной травы, – ответила она. Купец оглянулся на рыцаря, и сэр Луис подошел ближе.

– Объясните мне, леди Лилиана, какую траву вы собираетесь рвать? Я схожу сам, – сказал он.

Ляля задумалась, как перевести название «подорожник» на провансальский язык.

– Мне нужна трава с зелеными листьями примерно в половину моей ладони, растущая по обочинам дорог, – сказала она.

– Это распространенная трава, я видел ее даже в Палестине, – сказал рыцарь.

«А в Индии ее называют „след белого человека“», – чуть не сказала вслух Ляля, но прикусила язык, понимая, что не время сейчас цитировать Киплинга.

– Я знаю эту траву и наберу ее, – решительно сказал рыцарь, поклонился леди Лилиане и в два прыжка спустился на берег. Он заметил место, где росла эта скромная травка, и вскоре вернулся на судно с охапкой зеленых листьев. Ляля промыла их в ключевой воде и щедро раздала всем раненым и ушибленным. Бедный мальчик тихо заснул, прохладный компресс освежил его больную голову.

Позабывшись обо всех, Ляля присела на палубе. Ее ру-

ки и ноги дрожали от усталости. Ночь, наполненная бурными событиями, подходила к концу. Небо на востоке светлело. В этот предутренний час тишина окутала землю. Ветер стих, и вода застыла, как хрустальное зеркало. Ляля наслаждалась свежим речным воздухом и следила за вечной мистерией природы – небо на востоке слегка зарумянилось, на воду легли нежные перламутровые блики. Как часто Ляля гуляла в белые ночи по родному городу и восторгалась рассветом со стрелки Васильевского острова, от Охтинского моста или с пляжа Петропавловской крепости. Гаронна была, конечно, уже Невы, но игра красок рассвета на ее поверхности завораживала извечной красотой. Ляля чувствовала, как от созерцания розовеющего неба и серебристой воды уходят усталость и напряжение страшной кровавой ночи. Легкий ветерок пробежал по вершинам деревьев, водная гладь отозвалась мелкими волнами и журчанием. Ляля улыбнулась, радуясь красивому началу дня.

Сэр Луис стоял, скрываясь за стеной каюты – он беспокоился, что леди Лилиана утомилась этой ночью, и хотел уговорить ее лечь спать. Увидев, с каким интересом она наблюдает рассвет, рыцарь понял, что с девушкой все в порядке, и сам залюбовался ею. Она широко раскрыла глаза, вбирая красоту окружающего мира. Восторг окрасил румянцем ее щеки в оттенок летнего рассвета, и рыцарь понял, что душе ее хватает сил, чтобы переносить жизненные испытания.

Он подошел к прекрасной девушке, чувствуя, что отныне

их судьбы связаны неразрывно.

Ляля обернулась на звук шагов по палубе и встретила рыцаря улыбкой:

– Доброе утро, мессир!

– Доброе утро, леди Лилиана! – ответил он с почтительным поклоном.

– Как красив рассвет над Гаронной! – восторженно произнесла Ляля. Заря охватила уже половину неба, серебристые струи воды окрасились в нежно – розовый цвет. Рыцарь любовался девушкой и рассветом.

– Ваша Родина так же красива, леди Лилиана? – спросил он.

– Особенно в белые ночи, – задумчиво произнесла Ляля. – Чем ближе к северу, тем ночи светлее.

– Я помогу вам добраться домой, донна Лилиана, – пылко сказал рыцарь.

– Я верю вам, мессир, – мягко сказала девушка.

– До Тулузы нам плыть еще два дня, но если хотите, миледи, мы сможем быстрее доскакать по берегу, – предложил сэр Луис.

– Я не могу оставить раненых, мессир, – ответила Ляля. – Надо же хоть немного облегчить их страдания.

– Вы добры, как ангел, леди Лилиана, – восторженно произнес рыцарь.

– Доброе утро, синьорина Лилиана, синьор Луис, – сказал итальянский купец, подходя к молодым людям.

– Доброе утро, мессир, – улыбаясь, ответила Ляля. Рыцарь коротко поклонился.

– Приглашаю вас на утреннюю молитву, – продолжал купец. – После молитвы мы отплываем.

Рыцарь подал Ляле руку и помог ей встать. Девушка подобрала подол платья и поднялась гибким движением – она уже начала привыкать к одежде двенадцатого века.

– О, синьорина Лилиана, вы как милосердная Мадонна заботились о наших раненых! – пылко воскликнул купец. Девушка покрас-

нела – она поступила так, как подсказывала ей христианская совесть.

– Благодарю вас за восторженную оценку моего труда, – ответила она. – Но я выполняю свой христианский долг.

Сравнение с Мадонной ей было приятно, но казалось незаслуженным. Нужно много усилий и трудов на благо ближнего, чтобы чуть-чуть приблизиться к высочайшему христианскому идеалу. Ляля вспомнила другую свою современницу, блондинку со слабеньким голоском, взявшую себе громкий псевдоним и на концертах не стеснявшуюся профанировать святыне для каждого христианина понятия распятия и крестной жертвы. Ляля передернулась от воспоминаний о торжестве бездарной пошлости над хорошим вкусом. А увлечение этой «певицы» Каббалой!

– Вы замерзли, леди Лилиана? – встревожился рыцарь.

– Нет, мессир, неприятные воспоминания, – ангельским

голоском ответила Ляля. После молитвы перед походным алтарем девушка помогла повару приготовить нехитрый завтрак – ломти хлеба с ветчиной и сыром. Сэр Луис, уже знакомый с кухней будущего, спокойно воспринял новинку, но купцы были потрясены кулинарным искусством чужеземной дамы. «А вечером я покажу итальянцам, как у нас готовят пиццу», – подумала Ляля и улыбнулась сэру Луису, ухаживающему за ней. После завтрака рыцарь поклонился леди и сбежал по сходням к своему коню. Судно распустило парус и отвалило от берега.

Войдя в попутное течение, купеческое судно быстро поплыло вниз по Гаронне. Рыцарь верхом сопровождал его по берегу. Ляля обошла раненых, напоила их, сменила повязки. Закончив дела милосердия, она присела на палубе под натянутым тентом. Сияющий южный день уже вступил в свои права. Вода весело журчала, легко неся торговый корабль. Берега Гаронны поросли лесом. Листья дубов, буков, каштанов трепетали от прикосновений мягкого южного ветра. Одурающе пахли травы, нагретые солнцем. Ласточки проносились у самой воды, высоко в небе заливался невидимый жаворонок. Изредка лес расступался, открывая возделанные поля, виноградники и маленькие южные городки, сияющие побеленными стенами и красными черепичными кровлями. Шпиль ратуши и колокольня церкви были вертикальными доминантами этих прибрежных городков. Но купеческое судно стремилось в Тулузу и не останавливалось

в маленьких городках. Ход его был плавным, почти не начало, и Ляля не испытывала никаких неудобств. Итальянцы относились теперь к ней с восторженным обожанием. Девушка созерцала берега и прихотливо текущую изменчивую воду. Сейчас она была синей и чистой, отражала небо и белые облачка. «Гаронну питают горные речки, ее левые притоки, сбегаяющие с пиренейских ледников», – вспомнила Ляля. Она изучала географию Южной Франции, чтобы лучше понять, как проходили крестовые походы против альбигойцев. Таинственная, исполненная боли, гнева, самопожертвования страница средневековой истории. Впервые Ляля прочитала об этом в книге Анн и Сержа Голон «Анжелика», но возмущение графа де Пейрака надменным архиепископом, пришельцем с Севера, было тогда непонятно девушке. Учась в университете, Ляля вновь обратилась к полюбившейся ей эпохе Высокого Средневековья. Здесь, на приморском юге Франции, в графстве Тулузском, соединились несколько культурных течений – влияние античной римской культуры и арабской традиции, перешедшей Пиренеи. Два завоевания северян-франков, германского племени, последнее при Карле Великом, так же оставили след в культуре южного края. И все это сложилось в утонченную, куртуазную, жизнелюбивую культуру, пронизанную песнями трубадуров: изящные манеры, красивые одежды, культ любви и поклонения Прекрасной даме. Эманация этой притягательной средиземноморской цивилизации эпохи Высокого Средневеко-

вья воскреснет в Серебряном веке русской литературы. Ее подхватят Соловьев, Брюсов, Блок.

О, скорей бы вернуться в свое время! Какую блестящую работу она напишет! Ляля вздохнула. А если она не вернется? Рассеянный взгляд девушки скользнул по берегу и обрел остроту – изредка сквозь листву деревьев сверкали стальные искорки кольчуги сэра Луиса. Он сопровождал судно быстрым галопом. Ляля забеспокоилась, что он загонит коня, но выругала себя. Рыцарь странствует не первый год. Конечно, он знает, как заботиться о коне. Надежный... Да, так можно назвать этого рыцаря, встретившегося ей в чужом времени и пространстве. Без него она бы уже погибла! В груди девушки потеплело, и слезы навернулись на глаза, когда она остановила взгляд на защитнике, посланном ей Богом. Ляля впервые задумалась, почему она совершила путешествие во времени, и что будет, если она не сумеет вернуться? Придется ли ей выйти замуж за преданного рыцаря и стать средневековой графиней? Можно, конечно, уйти в монастырь, но Ляля еще не чувствовала в себе склонности к уединенной жизни. И в монастырь нужно сделать вклад, чтобы поддержать хозяйство обители и прокормить сестер. Нет, Ляля еще не готова встать на стезю аскетизма. Вопреки тоске по дому жительницы двадцать первого века, оказавшейся в двенадцатом, она предвкушала, как во дворце Раймонда Тулузского своими глазами увидит роскошь его двора, слушает песни трубадуров. А, может быть, граф

Раймонд устроит рыцарский турнир! Ляля изучала исторические источники и знала, что турниры начали устраивать в Палестине как смотр боевой выучки и оружия рыцарей европейских стран, ушедших в крестовый поход. Сначала это были групповые схватки, отряд на отряд, но к двенадцатому веку практиковались уже поединки между рыцарями. Победитель забирал оружие, доспехи и коня поверженного противника. А групповые схватки, отряд на отряд, проходили на второй день турнира. Победитель дня выбирал королеву любви и красоты, венчал ее золотой короной. Ляля сладко задумалась, прикрыла глаза. Ей чудилось, как к ней подъезжает сэра Луис в кольчуге, иссеченной в жарких схватках, и почтительно кладет к ее ногам корону, нацепленную на конец его победоносного копья. Девушка прислонилась к стене каюты и задремала, убаюканная плавным ходом судна. Она вспоминала сквозь сон, надо ли королеве красоты целовать победителя турнира? Поцеловала ли леди Ровена Айвенго, когда он провозгласил ее королевой любви и красоты?

Сэр Луис ехал по берегу, наблюдая за всем, что происходит вокруг. Он уделял должное внимание маленькому судну, на котором плывет леди Лилиана. Сейчас он в дозоре – безопасность леди и ее спутников зависит от него. Рыцарь, закаленный суровым походом в Палестину, охраняет даму. Он поклялся нерушимой клятвой, что леди и ее спутники, отдавшие себя под его покровительство, благополучно прибудут в Тулузу. Граф Раймонд Тулузский, двоюрод-

ный дед сэра Луиса, конечно же, поможет найти караван судов, идущих на Русь. Предки варяги могли бы гордиться бесстрашным предприимчивым потомком, искусным в обращении с любым рыцарским оружием. Дальше прибытия в Ладогу сэр Луис не загадывал, но в тайных грезах, посещавших его в одинокие ночи, он видел, как возвращает леди Лилиану ее благородным родителям. Почтительно преклонив колено, он просит руки северной красавицы... и тут он просыпался, задыхаясь от счастья. Сердце крепче алмаза, не дрогнувшее перед сарацинами, неистово билось в широкой рыцарской груди – родители леди Лилианы соглашались отдать дочь в жены графу из Лангедока. Сэр Луис спрыгнул с седла, чтобы дать отдых коню, взялся за стремя и побежал, не снижая темпа. На рыцаре надета стальная кольчуга, белый широкий плащ, но шаг его скор и размашист. От предков викингов норманы переняли походный шаг, двигаясь которым воин с полным вооружением, в кольчуге и шлеме, мог обгонять боевого коня. Викинги сражались «пешими». Их грозный хирд, спаянный боевым братством, был непобедим. Недаром вся Европа молила Бога спасти ее от ярости норманов. Христианство сделало более кроткими суровые души викингов. Их потомок, сэр Луис, искренне верил в Бога, был предан сюзерену и благоговейно обожал даму сердца, не осмеливаясь оскорбить ее пылкими ухаживаниями. Яростная суровая натура викингов восприняла мягкость христианской культуры, и сэр Луис стал ее достойным представителем. Он пошел

в крестовый поход, исполненный твердой решимости отбить гроб Господень у неверных, проявлял чудеса храбрости в тяжелейшем квесте, и не его вина, что третий крестовый поход кончился неудачно. Он бы, наверное, выстоял и в поединке с самим Ричардом Львиное Сердце. Но рыцарская выучка и верное сердце не были подвергнуты такому тяжкому испытанию. Пути рыцаря и английского короля разошлись – каждый добирался на родину самостоятельно. И сэр Луис теперь находился ближе к Тулузе, чем Ричард Львиное Сердце к Аквитании, где родился. Сейчас он ехал по Центральной Европе, где враги поджидали отважного короля.

День близился к вечеру, когда купеческое судно поравнялось с пристанью городка Мюре. Солнце зашло, и крепкие городские ворота захлопнулись, развеяв мечты путешественников о вкусном ужине и безопасной стоянке. Городская стража не прельстилась золотом купцов, и судну пришлось искать стоянку ниже по течению. Хорошее место вскоре было найдено. Остров на реке, небольшой, заросший кленами и платанами. Их голые толстые стволы белели в сумерках. Ляля видела такие деревья на Кавказе. Судно отдало якорь, итальянцы перебросили на берег сходни и пошли в обход острова, ища дрова для костра. Ляля осмотрела раненых и задумалась, из чего готовить лекарственное питье. «Найти бы ромашку и подорожник для перевязки!»

Итальянцы вернулись и объявили, что остров безопасен. Ляля подобрала подол длинного полотняного платья и реши-

тельно спустилась по сходням на берег – сэра Луиса не оказалось поблизости, а итальянцы не смогли ограничить свободу передвижения знатной чужеземной дамы. Она попросила разводить костры, кипятить воду, а сама пошла по берегу, высматривая лекарственные травы. Небольшая поляна, заросшая ромашкой, привлекла ее внимание. Радостно вскрикнув, Ляля бросилась собирать лечебную траву. Ее всегда нравился запах ромашки. Потом девушка хлопотала у костров, заваривала ромашку и готовила ужин. Она решила познакомить итальянцев с пиццей и выполняла свое обещание. Готовить Ляля умела, но не любила, считая, что возня на кухне отвлекает ее от занятий наукой. Но сейчас девушка с удовольствием возилась у костра, готовя пищу. На судне нашлись ветчина, сыр, базилик, а тесто для пиццы требовалось самое простое – мука и вода. «Как жаль, что Колумб еще не открыл Америку, и нельзя добавить в пиццу помидоры!» – подумала Ляля, щедро посыпая сыром и базиликом приготовленные к выпечке пироги. Дрова прогорели и дали ровные крупные угли, на которых можно готовить что угодно. Попросив повара посмотреть за пирогами, Ляля пошла к раненым. Итальянец нес за ней котел с отваром ромашки. Ляля обрабатывала раны и поила раненых. Завершив труды милосердия, она вышла на палубу и подошла к сходням. Сэр Луис подал ей руку.

– Прошу вас, миледи!

– Мессир, как вы оказались здесь? – удивилась девушка.

– Я переплыл реку, чтобы добраться до вас, донна Лилиана, – с поклоном ответил рыцарь. Ляля заметила, что вода капает с золотистых волос рыцаря на его широкие плечи, капли стекают по его выпуклой груди, его потертый кожаный колет прилипает к телу, облегают мощный торс сэра Луиса, прекрасный, как у статуи греческого бога.

– А где вы оставили коня? – удивленно спросила девушка.

– Он пасется там, где трава более сочная, – ответил сэр Луис и показал в сторону противоположного берега маленького острова. Силуэт коня белел в сумерках. Ляля так удивленно подняла брови, что рыцарь засмеялся.

– Мы с конем переплыли эту реку так, как не раз в походе переплывали реки, встречавшиеся нам.

– Для рыцаря река – вызов, препятствие, которое надо преодолеть, – мило улыбнулась Ляля.

– Да, миледи, – поклонился сэр Луис. – Позвольте проводить вас на ужин.

Он церемонно предложил ей руку и повел во временный лагерь. Купцы устроились с комфортом – с судна принесли ковры, подушки, посуду. После молитвы приступили к еде. Сэр Луис ухаживал за Лялей, резал пирог на мелкие кусочки и подносил ей на кончике кинжала, чтобы она не испачкала руки. «Вилки еще не изобрели, – вспомнила девушка. – Если я останусь жить в двенадцатом веке, подам идею усовершенствования столовых приборов и полезных в быту мелочей. Скажу, что так делают у меня дома!» Улыбаясь своим

мыслям, она принимала услуги сэра Луиса и ела пищу, поневоле выказывая хорошие манеры. А чавкать за столом ее отучили еще в раннем детстве.

– Как называется это чудесное блюдо? – спросил главный купец. Конечно, при посадке на судно он назвал свою фамилию, но Ляля не запомнила ее.

– Пицца, – терпеливо повторила девушка. – Печется с разными начинками, – и замолчала, вспомнив одно из правил хорошего тона – в приличном обществе за столом не говорят о кухне.

– Белиссимо! – вскричал купец.

– Я расскажу вашему повару, как готовят это блюдо у меня дома, – пообещала Ляля, и тут же картины мирной домашней жизни, которую она считала тихой, комфортной, ничем не примечательной, всплыли в памяти: мама хлопочет на кухне, замешивает тесто, красиво нарезает помидоры, обжаривает фарш, трет сыр на терке. В семье Лукиных не пользуются кухонным комбайном. Кот Луис сидит у ног хозяек и вежливо ждет, когда ему перепадет вкусный кусочек. Пицца отправляется в духовку, и через полчаса семья садится к столу. Папа открывает бутылку легкого сухого вина, мама ставит на стол сервиз, привезенный ее бабушкой из Германии, и голубые стеклянные стаканы для вина. Ляля украдкой скармливает любимому полосатому коту кусочек сыра...

Девушка стиснула зубы, подавив стон отчаяния, и вцепилась в свое платье, чтобы не вонзить ногти в ладони. Мирная

жизнь в семье сейчас представлялась ей тихой, счастливой, размеренной. И как же ей захотелось вернуться домой! Сэр Луис увидел, как побледнело и стало чужим лицо леди Лилианы, как резко ее пальцы смяли ткань платья. Он понял силу ее отчаяния и тоски по родным людям. Что он мог еще сказать, кроме того, что приложит все рыцарские силы, чтобы поскорее воссоединить леди Лилиану с семьей? Она уже это знает. Рыцарь подал даме кубок с вином и сказал:

– Отведайте, леди Лилиана, весьма неплохое чинзано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.